

18+

Юрий Драздов

Инвентарь: Твоя душа. Начало

Юрий Драздов

Инвентарь: Твоя душа. Начало

«Издательские решения»

Драздов Ю.

Инвентарь: Твоя душа. Начало / Ю. Драздов — «Издательские решения»,

Макс просыпается в чужом лесу с единственным «инвентарём» в голове. Каждый предмет здесь голоден, а слоты — это кредит под залог собственной души. Чтобы выжить, нужно убивать, но цена убийства — воспоминания, чувства и сама человечность. Сто слотов, одна ошибка и армия Костоломов на хвосте. В мире, где система съедает должников заживо, Макс предстоит понять главное: он либо станет монстром, либо исчезнет навсегда. Выбора нет. Есть только голод.

© Драздов Ю.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Трещина в реале	6
Глава 3. Первый нож	43
Глава 4. Правило «сто»	64
Глава 5. Моб в овраге	81
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Инвентарь: Твоя душа. Начало

Юрий Драздов

© Юрий Драздов, 2026

ISBN 978-5-0070-2497-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Трещина в реале

1

Сознание возвращалось не плавно, а рывками — как будто кто-то дёргал за нитку, намотанную на внутренности.

Сначала пришёл холод. Не утренняя бодрящая свежесть, а глубокая, липкая сырость, которая пробирается под одежду и обнимает позвоночник. Макс лежал лицом вниз. Щека утопала в мокрой листве, земля под ней была рыхлой и пахла железом — не ржавчиной, а именно чистым металлом, смешанным с грибной прелью. Он попытался вдохнуть глубже и подавился воздухом: слишком влажным, слишком плотным, с привкусом гнилых корней.

Вторая волна — боль. Затылок ныл глухо, с отдачей в виски, будто там, под черепом, кто-то мерно бил в колокол. Ломило спину, особенно поясницу — поза была неестественной, будто его сбросили с высоты собственного роста. Левая рука затекла до полной потери чувствительности, и когда Макс попытался пошевелить пальцами, они отозвались противным покалыванием, словно в них запустили стаю мурашек.

Он открыл глаза.

Темнота. Не абсолютная — глаза быстро привыкли, выхватывая из мрака силуэты. Ветки. Кроны. Небо не просматривалось целиком, только рваными кусками между листвой. Ни луны, ни звёзд — лишь серая муть, похожая на грязную вату.

Макс несколько секунд просто лежал, переваривая информацию. Тело не слушалось. Не от страха — от одеревенелости, будто его выбросили сюда прямо из глубокого сна, не дав проснуться нормально.

«Где я?»

Мысль пришла не паническая, скорее констатирующая. Он перебирал в голове вечер — нет, уже ночь — перед тем, как... перед чем? Последнее чёткое воспоминание: диван. Свой, продавленный, с дырой в левом подлокотнике, которую он так и не зашил. Ноутбук на коленях, горячий вентилятор гудит на всю комнату. На экране — список задач на завтра, потому что он собирался лечь спать. Точно. Часы показывали без пятнадцати час. Он потянулся, зевнул, закрыл крышку ноута...

Всё.

Дальше — провал. Не постепенное засыпание, не плавное погружение в сон. Просто щёлк — и темнота. А теперь он здесь, лежит лицом в мокрой листве, и голова раскалывается, как после трёх банок дешёвого пива.

Макс с усилием перекатился на спину. Листья противно зашуршали под лопатками, что-то хрустнуло — то ли сухая ветка, то ли чья-то кость. Он замер на секунду, прислушиваясь к себе. Ничего не сломано? Вроде нет. Руки-ноги на месте, позвоночник цел, хотя каждый позвонок, казалось, лежал на своём месте неправильно.

Над ним нависали деревья.

Макс не был экспертом в ботанике, но даже он заметил: что-то не так. Стволы сосен были слишком прямыми, слишком ровными, будто их выточили на токарном станке. Ветви расходились под неестественно одинаковыми углами — не случайными, живыми, а какими-то схематичными, словно ребёнок рисовал дерево по инструкции: «сначала ствол, потом три ветки влево, три вправо, потом ещё ряд».

Кора тоже выглядела неправильной. Не шершавая и не слоистая, как положено сосне, а скрученная жгутами — тугими, почти мускулистыми волокнами, которые вились вокруг ствола по спирали. Приглядевшись, Макс заметил, что эти жгуты не просто украшали дерево — они двигались. Очень медленно, почти незаметно, как черви в толще земли. Каждый раз, когда он переводил взгляд, ему казалось, что узор немного другой, чем секунду назад.

Он сел. Голова закружилась, перед глазами поплыли чёрные точки. Пришлось упереться ладонями в землю и посидеть так минуту, глотая холодный влажный воздух. Земля под пальцами была мягкой, почти болотистой, и он невольно задумался: что за лес, где земля не промерзает даже в такую сырость? И какое вообще время года? Ощущение холода, но не мороза — так бывает поздней осенью, когда небо всё время серое, а воздух пахнет гнилью и близким снегом.

Рука наткнулась на что-то твёрдое. Макс поднял предмет — обычная шишка. Сосновая, но слишком крупная, с ладонь. Он повертел её в пальцах. Чешуйки были раскрыты шире, чем полагается, и на каждой виднелись тёмные пятна, похожие на крошечные рты.

Он выбросил шишку.

— Эй? — позвал Макс в темноту. Голос прозвучал глухо, как будто он говорил в подушку. — Есть кто?

Тишина. Даже ветра не было. Только собственное дыхание и редкие капли, падающие с веток — то ли дождь прошёл недавно, то ли конденсат накапливался в кронах.

Он попытался встать. Неуклюже, опираясь на скользкие стволы, цепляясь за корни, которые то и дело норовили подставить подножку. Ноги дрожали, колени подгибались — словно он не просто лежал, а провёл в этом положении несколько часов. Или дней. Макс отогнал эту мысль.

Встав наконец на ноги, он прислонился спиной к ближайшему дереву и замер, дожидаясь, пока мир перестанет качаться. Кора под лопатками была тёплой. Слишком тёплой для сырого ночного леса.

Тёплая кора. Неподвижный воздух. Деревья, растущие по линейке.

— Это сон, — сказал он вслух. Утвердительно, чтобы убедить себя. — Просто очень реалистичный сон.

Он ущипнул себя за предплечье — больно, даже след остался. Ущипнул сильнее — так, что защипало глаза. Боль не исчезла и не стала менее настоящей.

Сны так не работают. Он знал. У Макса были яркие сны, иногда он даже понимал, что спит, и пытался управлять реальностью. Но никогда — никогда — сон не держался так долго без сбоев, без провалов, без странных скачков логики. Никогда во сне он не чувствовал, как холодная капля срывается с ветки и ползёт за шиворот, вызывая мурашки по всему позвоночнику. Никогда не различал столько запахов — сырой земли, гнилой листвы, железа, чего-то сладковатого и тошнотворного, похожего на падаль.

Он закрыл глаза. Открыл. Ничего не изменилось.

— Ладно, — выдохнул Макс. — Ладно.

Он решил, что сначала нужно осмотреться. Даже если это не сон — а он всё ещё надеялся, что это сон, — сидеть на одном месте и ждать чуда было глупо.

2

Он сделал три шага и едва не упал, запнувшись о корень.

Корень был толстым, с руку, и извивался по земле так причудливо, что казался не частью дерева, а отдельным существом, застывшим в момент броска. Макс обошёл его, стараясь не наступать, и пошёл дальше. Лес не становился реже — напротив, деревья смыкались всё плотнее, стволы всё толще, тени всё чернее.

Ему казалось, что он идёт по кругу. Ориентиров не было — ни тропинок, ни просек, ни хотя бы приметного камня. Всё выглядело одинаково: сосны, берёзы с неправильной корой, земля, усеянная шишками и трухой. И тишина. Такая плотная, что она давила на уши. Ни птиц, ни насекомых — только шорох его собственных шагов и тяжёлое дыхание.

Стоп.

Что-то изменилось. Макс не сразу понял, что именно, но какой-то участок поля зрения вёл себя неправильно. Правый нижний угол. Там, где обычно ничего не бывает, если только не смотреть на яркий свет или не тереть глаза слишком долго.

Он замер. Повернул голову влево — и пятно осталось на месте, всё в том же углу зрения, как привязанное к сетчатке.

Сначала Макс подумал, что это блик от влаги в глазах — бывает после долгого лежания в темноте. Проморгался — нет, не исчезло. Только стало чётче, как будто камера навела фокус.

Он поднял руку, чтобы потереть глаз — и замер на полпути.

Полупрозрачная серая полоска. Длиной сантиметра два, не больше, шириной в половину спички. Висела в воздухе — или в его восприятии — лёгкая, как дым, но слишком геометричная, чтобы быть случайным пятном. Внутри полосы — одна прямоугольная ячейка. Пустая. Наполовину прозрачная, с едва заметной серебристой окантовкой.

Под полоской — текст. Мелкий, бледный, почти сливающийся с фоном, но читаемый.

Инвентарь: 1/??

Макс смотрел на это пять секунд. Десять. Пятнадцать.

— Что за хрень, — выдохнул он.

Он повертел головой — полоска двигалась вместе со взглядом, всегда оставаясь в правом нижнем углу. Он посмотрел вверх — она поползла следом. Вниз — та же история.

Макс закрыл правый глаз. Полоска осталась. Закрыл левый — осталась. Значит, не в глазах дело. Не в сетчатке, не в слепых пятнах, не в оптическом обмане.

Он попытался сфокусироваться на полоске сильнее, «приблизить» её взглядом — ничего. Просто висит себе, никуда не исчезает, не мигает, не реагирует.

— Открыть, — сказал он тихо. — Меню. Статус. Инвентарь. Настройки. Выход.

Ничего. Полоска не изменилась, не моргнула, не развернулась в полноценный интерфейс.

Он провёл рукой перед лицом, как будто пытался смахнуть паутину. Никакой тактильной обратной связи. Пальцы прошли сквозь пустоту там, где, по идее, должна была быть кнопка.

— Это инвентарь? — спросил он у тишины. — У меня в голове... инвентарь?

Слово прозвучало глупо. Игровой термин, перенесённый в реальность, которая, как он почти убедился, реальностью и была. Если он не спал. Если не галлюцинировал.

Мозг лихорадочно перебирал варианты. Состояние после удара? Но он не падал, не ударялся головой. Только проснулся здесь уже с болью. Инсульт? Слишком молод, и симптомы не те. Психотический эпизод? Макс никогда не страдал психическими расстройствами, но ведь бывает же впервые.

А если это всё-таки игра?

Он отнёс эту мысль так же быстро, как она появилась. Чтобы войти в игру, нужен интерфейс. Шлем, капсула, хотя бы контроллер. А он лежал на диване с ноутбуком. И не собирался ни во что играть — он просто ложился спать.

— Кто-нибудь! — крикнул он громче, чем планировал. Голос прорезал тишину и разбился о стволы, рассыпавшись эхом, которое почему-то не утихало несколько секунд, повторяясь всё тише и тише, словно лес записывал его крик и прокручивал задом наперёд.

Ответа не было.

Макс прислонился к дереву и сполз по стволу на землю. Он сидел, обхватив колени руками, и смотрел на полупрозрачную полоску. Инвентарь: 1/?? Два знака вопроса. Не число,

не бесконечность, не ноль. Два вопроса, которые значили: «неизвестно», «мы сами не знаем», «возможно, ты не должен это видеть».

Он почувствовал, как паника поднимается откуда-то из живота, горячей волной, сжимающей горло. Задышал чаще. Ладони вспотели.

— Нет, — сказал он себе. — Нет. Спокойно. Спокойно.

Макс попробовал технику, которая иногда помогала при тревоге: назвать пять предметов, которые видит, четыре, которые слышит, три, которые чувствует кожей. Он начал:

— Вижу... дерево. Ветку. Землю. Свою руку. Шишку.

Слышит он только тишину и собственное дыхание, и это не помогало. Кожей чувствовал холод, сырость и кору за спиной, которая всё ещё была странно тёплой.

Он намеренно переключил внимание на физические ощущения. Поднял горсть земли, растёр между пальцами. Комки, мелкие веточки, что-то склизкое, похожее на разложившийся гриб. Понюхал. Запах усилился — землистый, с кислинкой. Кровь? Нет, не кровь. Что-то другое, железистое, как если бы лизнуть старую монету.

Нашёл на руке царапину — небольшой порез на тыльной стороне ладони, видимо, задел ветку в темноте. Провёл пальцем — влажно, но не течёт. Кровь настоящая, красная, пахнет медью. Облизнул — солёная, с металлическим привкусом. Всё как положено.

Это не сон. Сны не настолько последовательны. Во сне детали меняются, когда отводишь взгляд. Во сне не чувствуешь каждый комочек земли между пальцами. Во сне боль быстро уходит или трансформируется во что-то другое. Здесь же царапина ныла ровно и монотонно, как и полагается свежему порезу.

Макс понял, что сидит на земле уже несколько минут, тупо глядя перед собой, и заставил себя встать. Холод сковал колени, мышцы затекли. Он сделал несколько шагов, разминая ноги, и пошёл дальше. Нужно найти край леса. Любой лес когда-нибудь кончается.

3

Он шёл долго. Минуты сливались в бесконечную череду: ствол, корень, ствол, корень, шишка под ногой, ветка в лицо. Направление он выбирал наугад — просто шёл туда, где деревья казались чуть реже. Это помогало не сойти с ума от мысли, что он движется по кругу.

Ноги скользили по влажной земле. Несколько раз он едва не упал, хватаясь за стволы, и каждый раз кора под пальцами оказывалась тёплой и странно упругой, как будто под ней была не древесина, а мышца. Макс старался не думать об этом.

Примерно через полчаса блужданий он нашёл поляну.

Не настоящую поляну — скорее прогал, где деревья расступались на несколько метров, открывая кусок неба. Неба всё ещё не было видно — только серая пелена, подсвеченная чем-то

из-за туч, но здесь, на открытом пространстве, дышалось легче. Макс остановился перевести дух.

Он заметил дерево. Не такое, как остальные. Оно лежало на земле — поваленное, вырванное с корнем. Ствол был толще, чем у соседей, и странно изогнут, будто рос дугой, пока не рухнул под собственным весом. Корни торчали вверх, переплетённые в клубок, и в этом клубке застряли камни, прошлогодние листья и...

Макс подошёл ближе. На коре поваленного дерева, там, где она отходила от ствола широкими лохмотьями, висел кусок коры. Большой, с ладонь, с одного края острый, как скол камня. Он отделился не полностью — держался на тонкой полоске, но видно было, что достаточно одного рывка.

Макс дёрнул. Кора отломилась с сухим треском. Он поднял её, повертел в руках. Тяжёлая для коры, плотная, с внутренней стороны — тёмная и гладкая, почти как обсидиан. Край действительно острый — не бритва, конечно, но если ударить, порежет.

И в этот момент ячейка в углу зрения моргнула.

Макс не успел испугаться. Он просто увидел, как серая полоска на секунду побелела, а потом — кора исчезла. Прямо из пальцев. Без вспышки, без звука, без какого-либо перехода. Была — и нет.

Он замер. Раскрытая ладонь была пуста.

— Что за... — начал он и перевёл взгляд на интерфейс.

В ячейке появилась иконка. Крошечная, но узнаваемая — коричневый неправильный прямоугольник, чуть заострённый с одного края. Кора. Тот самый кусок.

Макс перевёл взгляд на ладонь. Пусто. На ячейку. Иконка.

Он провёл рукой по воздуху перед собой — нет, кора не выпала. Не закатилась под рукав. Не осталась в кулаке. Она просто перестала существовать в физическом мире и появилась в этом... в этом странном меню.

— Это инвентарь, — сказал он шёпотом, и в голосе прорезалось то, что он не хотел в нём слышать — восхищение. Не паника, не страх, а именно чистое, детское удивление. — Оно работает.

Он сосредоточился на иконке. Очень чётко представил, как кора возвращается в руку.

Иконка моргнула — и кора снова была у него в пальцах. Тёплая, шершавая снаружи, гладкая изнутри. Реальная до последней царапинки.

Макс выронил её. Кора упала на землю с влажным шлепком. Он нагнулся, поднял — и она снова ушла в ячейку. Автоматически, без его команды. Просто потому что он её коснулся.

Он повторил. Вытащил мысленно — кора в руке. Положил на землю — поднял — ушла в слот. Вытащил — положил на пенёк — поднял — ушла. Вытащил — положил на землю — поднял — ушла.

Семь раз подряд. Каждый раз одно и то же. Как заклинание. Как закон физики, которого он раньше не знал.

Он стоял посреди прогалины, сжимая в кулаке кусок коры, и смотрел на пустую ячейку. Потом на кору в руке. Потом снова на ячейку. Губы шевелились без звука.

Макс не был геймером в том смысле, в котором этот термин обычно употребляют. Он играл. Иногда много, иногда с перерывами на месяцы. Но он знал, как устроены RPG. Знакомые тащили его в разные ММО, он проходил сюжетные одиночные игры, разбирался в механиках. И то, что он видел сейчас, в своей голове — это был инвентарь. Классический слот инвентаря, в который можно положить предмет и достать его обратно.

Только без кнопок, без мыши, без интерфейса. Одной силой мысли.

А ещё без всякого объяснения.

— Это игра? — спросил он вслух. Голос дрожал, но не от страха — от нервного возбуждения. — Кто-нибудь слышит меня? Я в игре?

Тишина.

— Где меню? Где... ну, настройки? Где выход?

Ничего. Никакой заботливой системы, никакого приветственного сообщения, никакого NPC, который объяснил бы правила. Просто лес, ночь, полоска с одним слотом и он.

Макс закрыл глаза. Вдохнул глубоко, носом, чувствуя запах железа и падали, который теперь казался неотъемлемой частью этого места. Выдохнул медленно, через рот, паром в холодный воздух.

Он попытался представить, что открывает полноценное меню. Как в играх — полоска вдруг разворачивается в таблицу, появляются иконки характеристик, карта, журнал заданий. Ничего. Только одна ячейка и два знака вопроса.

— Ладно, — сказал он. — Ладно. У меня есть... инвентарь. Один слот. Я могу класть туда предметы и доставать. Это уже что-то.

Он положил кору обратно в слот. Мысль: «Надо найти что-то полезнее. Еду, воду, нормальное оружие. И выбраться из этого чёртового леса».

Макс двинулся дальше.

4

Лес стал другим.

Не сразу, но Макс заметил: стволы начали редеть, расстояние между деревьями увеличивалось, а под ногами вместо трухи и шишек появились камни. Не крупные валуны, а мелкая, скользкая осыпь, на которой ноги разъезжались при каждом шаге. Он замедлился, стараясь ступать осторожнее.

Воздух изменился. Влажность осталась, но исчез тот сладковатый привкус падали. Теперь пахло мхом, пресной водой и чем-то вроде глины. Где-то рядом мог быть ручей.

Макс пошёл на звук. Капли, падающие с веток, сменились едва слышным журчанием — он уловил его только через несколько минут, напрягая слух до звона в ушах. Журчание вело его между стволов, пока деревья наконец не расступились окончательно.

Он вышел к ручью.

Не широкому, метра три в поперечнике, но быстрому. Вода бежала по камням, взбиваясь в пену, и в свете — откуда здесь свет? — Макс заметил, что небо посветлело. Не рассвело, нет. Просто серая пелена стала тоньше, пропуская слабое, размытое свечение. Луна или звёзды — не разобрать.

Макс опустился на колени на берегу. Вода выглядела чистой — он видел дно, камни и песок, никакой мути. Осторожно зачерпнул ладонью, понюхал. Пахло речной свежестью, без гнили и металла. Провёл языком. Холодная, жёсткая, но не противная. Скорее всего, пить можно.

Он напился, набирая воду в пригоршню и жадно глотая, пока не заныло горло от холода. Потом умыл лицо, провёл мокрыми пальцами по шее, по затылку. Боль в голове чуть притупилась. Или просто отвлёкся.

Макс сел на берегу, глядя на бегущую воду. Впервые за это время он позволил себе не думать, не анализировать, не паниковать. Просто сидеть и смотреть. Струи переливались в тусклом свете, камни на дне казались чёрными, как уголь, а когда вода огибала их, образовывались маленькие водовороты, похожие на глаза.

Он не знал, сколько прошло времени. Может, десять минут, может, час. Тишина здесь была не такой плотной — ручей наполнял её своим журчанием, и это успокаивало.

— Мне нужен план, — сказал Макс вслух. Просто чтобы услышать человеческий голос. — Первое — выбраться из леса. Второе — найти людей. Третье — понять, где я. Четвёртое — найти выход.

Четвёртый пункт прозвучал как вызов самому себе. Выход должен быть. Это не может быть просто так — проснуться в чужом лесу безо всякого объяснения. Кто-то должен отвечать. Кто-то должен объяснить.

Он встал. Отряхнул колени. Решил идти вдоль ручья — в конце концов, реки и ручьи куда-то впадают, а значит, рано или поздно выведут к людям.

Или к чему-то ещё.

Он не прошёл и пятидесяти метров, когда услышал треск.

Справа, за деревьями, что-то ломало сучья. Не ветер — слишком ритмично. Тяжёлые шаги, пауза, снова шаги. И дыхание. Грудное, сиплое, с присвистом.

Макс замер. Сердце ухнуло куда-то вниз, и он физически почувствовал, как кровь отливает от лица, оставляя кожу холодной и липкой. Он не видел источник звука — только стволы и тени между ними, но знал: оно приближается. Не целенаправленно, скорее просто движется в его сторону, но от этого не легче.

Он сунул руку в карман — пусто. Вспомнил про слот. Вытащил кору — бесполезный кусок дерева против чего-то, что дышит как крупное животное. Или крупнее.

Шаги приближались. Макс попятился, стараясь не шуметь, но нога наступила на сухую ветку — хруст выстрелил, как пистолетный выстрел. Шаги остановились. Дыхание замерло.

Тишина. Та самая, плотная, давящая. Только ручей журчит, равнодушный к его страху.

Макс задержал дыхание. Стоял не двигаясь, сжимая в руке кусок коры так сильно, что край впился в ладонь. Несколько секунд — вечность. Десять. Двадцать.

Шаги возобновились. Но теперь — в другую сторону. Удаляясь. Медленно, с тем же ритмом, тяжело ступая по земле.

Макс ждал, пока звук совсем не исчез, и только тогда выдохнул. Руки тряслись. Он опустился на корточки, прислонившись спиной к стволу, и просидел так минуту, приводя дыхание в норму.

— Мне нужно оружие, — прошептал он. — Настоящее. Не кору.

5

Он пошёл дальше, но теперь — тише и осторожнее, стараясь ступать на мягкие участки земли, избегая сухих веток и камней. Каждые несколько шагов он останавливался и прислушивался. Лес больше не казался пустым. Тени между стволами приобрели глубину, и в каждой из них могло прятаться что-то с тяжёлым дыханием.

Ручей вильнул влево, и Макс последовал за ним. Берег стал круче — с одной стороны поднимался глинистый склон, усеянный корнями, с другой — чахлый кустарник, цепляющийся за одежду. Он продирался через него, чувствуя, как ветки царапают лицо и руки, но не останавливался.

И тут он увидел нечто.

Сначала ему показалось, что это просто груда камней, обрушившаяся со склона. Но, подойдя ближе, Макс разглядел очертания. Стены. Сложенные из грубого серого камня, без раствора, просто уложенные друг на друга. Не выше пояса, но явно рукотворные. Следы строения — может быть, старой хижины или загона.

Он перелез через стену и оказался внутри. Пол был засыпан листвой и мелкими ветками, в углу — прогнившая деревянная балка. Ни крыши, ни дверей, ничего, что указывало бы на недавнее присутствие человека. Но само наличие камней, уложенных рукой, доказывало: здесь кто-то был. Люди. Или существа, способные строить.

Макс сел на стену. Копался в памяти, пытаясь вспомнить что-нибудь из игр, которые могли бы объяснить происходящее. Инвентарь в голове. Ночной лес с неестественными деревьями. И вот это — руины. Типичный сеттинг фэнтези. Но он не играл ни во что подобное последние месяцы. Он вообще не собирался ни во что играть.

Мысль пришла внезапно, и он отогнал её, но она вернулась, более навязчивая.

«А что, если я умер?»

В книгах и фильмах часто так: умираешь — и попадаешь в другой мир. Иногда похожий на игру. Иногда с механиками, которые подчиняются странным правилам.

Макс потрогал свою руку. Тёплая. Щипнул — больно. Сердце бьётся. Он дышит. Вряд ли мертвецы так отчётливо чувствуют холодную кору под задницей.

Он отбросил эту мысль. По крайней мере, попытался.

В руинах ничего полезного не было. Он обошёл их по периметру, заглянул под балку, перерыл кучу листвы в углу — только камни, земля и гнилое дерево. Ни костей, ни оружия, ни даже обломка ножа.

Макс выбрался обратно к ручью и пошёл дальше.

6

Он не заметил, когда небо начало светлеть по-настоящему.

Сначала просто стало чуть-чуть меньше темноты, потом появились размытые серые пятна вместо сплошной черноты, а затем — края. Деревья обрели чёткость, тени перестали быть бездонными, и Макс наконец смог разглядеть то, что раньше угадывал на ощупь.

Лес был странным. Даже при дневном — или почти дневном — свете он не выглядел нормальным. Кора деревьев оставалась скрученной в жгуты, только теперь стало видно, что жгуты эти пульсируют. Очень медленно, едва заметно, но если смотреть на ствол достаточно долго, можно было уловить движение — как будто дерево переваривало что-то внутри себя.

Листва имела неприятный оттенок. Не зелёный, а скорее сизый, с налётом, как на старых фруктах. И пахла — не свежестью, а чем-то застоявшимся, как вода в вазе, где давно протухли цветы.

Макс шёл уже очень долго. Ноги гудели, левая лодыжка начала ныть — видимо, подвернул, когда спускался к ручью. Желудок напоминал о себе тупой ноющей болью — он не ел

неизвестно сколько. Часы он не носил, телефон остался там, на диване, вместе с ноутбуком. Время потеряло смысл.

Ручей расширился, стал мелким и каменистым. Макс перешёл его вброд, промочив кроссовки, и вышел на другую сторону, где лес был реже. Сквозь кроны пробивалось больше серого света, и наконец он увидел небо.

Оно было неправильным.

Не потому, что на нём не было солнца — это он уже понял. А потому, что тучи не двигались. Они висели неподвижно, как нарисованные, и через них не проходило ни одного луча — только ровное, безликое свечение, будто источник находился за ними, но не мог пробиться.

Макс стоял и смотрел вверх, чувствуя, как что-то внутри него сжимается. Это не его мир. С каждым шагом, с каждым часом становилось всё очевиднее. Лес, деревья, небо, воздух — всё здесь было чужим. Похожим на настоящее, но не настоящим.

Как очень качественная декорация.

Он опустил взгляд и пошёл дальше.

7

Нашёл оружие случайно.

Ему нужно было остановиться — ноги отказывались слушаться, глаза слипались, хотя по ощущениям он не спал уже больше суток. Макс присел под деревом с особо толстым стволом, прислонился спиной к пульсирующей коре — и всё равно уснул бы, если бы не услышал рычание.

Тихое. Горловое. Очень близко.

Макс открыл глаза и увидел серый силуэт в трёх метрах.

Собака. Или волк. Он не знал разницу в такой темноте. Животное стояло, опустив голову, и смотрело на него жёлтыми глазами, в которых не было ни злобы, ни страха — только голод. Простой, животный, не терпящий возражений.

Оно хромало на переднюю лапу. Шерсть на боку свалилась в колтуны, и Макс разглядел тёмное пятно — засохшую кровь. Раненое. Опасное.

Макс не двигался. Животное тоже. Несколько секунд они смотрели друг на друга, и Макс впервые за долгое время почувствовал не панику, а холодное, тяжёлое спокойствие. То самое, которое приходит, когда бежать уже поздно, а драться пока нечем.

— Тихо, — сказал он шёпотом. — Тихо. Я не еда.

Животное не отреагировало. Оно сделало шаг. Хромой, но уверенный. Ещё шаг.

Макс медленно поднялся, не отводя взгляда. В руке всё ещё была кора — бесполезный кусок дерева. Он выбросил её в сторону. Животное на секунду проводило её взглядом, но тут же вернулось к Максусу.

Третьего шага не последовало — животное прыгнуло.

Макс не успел увернуться. Тяжёлое тело ударило в грудь, сбив с ног, и он рухнул на спину, больно ударившись затылком о корень. Пасть щёлкнула в сантиметре от лица — он успел подставить руку, и зубы впились в предплечье, прорывая рукав и кожу. Боль обожгла, и Макс закричал.

Свободной рукой он шарил по земле. Ничего. Только земля, листья, мелкие камни. Животное трясло головой, рвало мышцы, и Макс чувствовал, как кровь течёт по руке, тёплая и липкая.

Потом пальцы наткнулись на палку.

Не на кору — на крепкую, толстую ветку длиной около тридцати сантиметров. Она не сломалась, когда он сжал её, и в тот же миг ячейка в углу зрения моргнула — палка исчезла из руки.

Макс не думал. Он просто захотел её обратно.

Палка появилась в кулаке, и он со всей силы ударил животное по голове. Неуклюже, со спины, не целясь. Палка вошла во что-то мягкое — может быть, глазницу, может быть, открытую рану на боку. Животное взвизгнуло, разжало челюсти и отшатнулось.

Макс вскочил. Палка была в руке, и он замахнулся снова, но животное уже не собиралось атаковать. Отошло на несколько шагов, покачивая головой, и устало на него — теперь уже не голодным, а злым взглядом.

— Пошёл! — закричал Макс. Голос сорвался на петушинный петух, но прозвучал громко. — Пошёл вон!

Животное развернулось и ушло. Не побежало, а именно ушло — спокойно, без спешки, как существо, которое не сомневается, что вернётся.

Макс стоял, тяжело дыша, сжимая палку так, что костяшки побелели. Предплечье саднило, рукав промок от крови. Но он был жив.

Он опустился на колено и наконец позволил себе дрожать.

8

Прошло ещё несколько часов. Или минут. Макс перестал пытаться отсчитывать время.

Он шёл, прижимая раненую руку к груди. Кровь остановилась сама — рана была неглубокой, клыки не достали до кости. Но болело, и каждое движение отдавалось в плечо тупой пульсацией.

Палка была в слоте. Теперь он знал, как быстро доставать оружие — просто представить, что предмет возвращается. Срабатывало всегда, без задержек. Кора и палка лежали в одной ячейке — интерфейс как-то умещал их обеих в одном слоте, сжимая в одну иконку с маленьким числом «2» в уголке.

Макс заметил это только сейчас. Два предмета в одном слоте. Система — если это была система — позволяла складывать вещи. Штабелями. Как в играх.

Он снова почувствовал тот же холодный отстранённый интерес. Организм, казалось, привыкал к абсурду. Инвентарь в голове. Предметы, которые исчезают и появляются. Лес, который дышит. И теперь — штабелирование.

«Я схожу с ума, — подумал он без всякой драмы. — Или это действительно игра. Или что-то ещё».

Лес начал редеть окончательно. Стволы стали тоньше, жгуты на коре мельче, а воздух — свежее. Макс ускорил шаг, чувствуя, как надежда — глупая, детская надежда — поднимается где-то в груди.

И он вышел.

Деревья расступились, и перед ним открылось поле. Небольшое, с редкой жухлой травой, окружённое со всех сторон стеной леса. Поле было пустым — ни домов, ни людей, ни животных.

Но на другой стороне поля начиналась дорога.

Настоящая дорога. Грунтовая, утоптанная, с колеями от колёс. Уходящая в лес и теряющаяся среди стволов.

Макс пересёк поле, хромая, опираясь на палку (он достал её из слота, чтобы идти удобнее). Остановился на краю дороги, посмотрел в одну сторону, потом в другую.

Дорога шла в двух направлениях. Одно вело глубже в лес — туда, где стволы стояли стеной. Другое — туда, где лес, казалось, светлел, и сквозь кроны пробивался всё тот же ровный серый свет.

Макс выбрал второе.

9

Он шёл по дороге уже час, когда понял, что силы на исходе.

Голова кружилась, перед глазами плыли пятна. Раненая рука распухла и стала горячей — могла начаться инфекция, хотя он не знал, возможна ли инфекция в месте, которое не было его миром.

Ноги двигались на автомате. Левая — правая. Левая — правая. С каждым шагом он всё больше убеждался, что ничего не понимает.

Инвентарь в голове — с одной ячейкой. Предметы складываются в штабель. Лес с живой корой. Небо без солнца. Раненый волк, который не боится человека.

И ни одного ответа.

Макс поднял голову, чтобы посмотреть, далеко ли до края леса, и увидел дым.

Тонкая струйка, серо-белая, поднималась над кронами впереди. Не пожар — скорее костёр. Кто-то жёг ветки или грелся.

Люди.

Макс прибавил шаг, потом побежал, спотыкаясь и хромая, не чувствуя боли, не замечая, как ветки хлещут по лицу. Он вылетел на очередную поляну и замер.

У костра сидел человек.

Старик. Грязный, морщинистый, в плаще из грубой ткани, сшитом явно вручную. Перед ним на камне лежали какие-то корни и тряпичный свёрток. Он не заметил Макса — или делал вид, что не заметил.

Макс подошёл ближе. Палку держал наготове, но не поднимал.

— Эй, — сказал он. Голос сел и прозвучал как карканье. — Эй! Вы меня слышите?

Старик поднял голову. Глаза — светлые, выцветшие, с красными прожилками — установились на Макса с выражением, которое трудно было прочесть. Усталость. Настороженность. И что-то ещё — похожее на узнавание.

— Слышу, — ответил старик. Голос скрипучий, как несмазанная дверь. — Ты откуда, парень? Не из деревни?

— Я... — Макс запнулся. — Я не знаю, где я. Я проснулся в лесу. Ничего не помню.

Старик молчал несколько секунд. Потом перевёл взгляд на руку Макса — на пропитанный кровью рукав, на палку, которую он сжимал. Взгляд задержался на лице — слишком долго, как будто старик искал что-то знакомое.

— А ну покажи, — сказал он, кивнув в сторону правого глаза Макса. — Там.

Макс не понял. Проследил за взглядом старика и понял — тот смотрит на интерфейс. На полупрозрачную полосу с одним слотом.

— Ты... ты это видишь? — спросил Макс шёпотом.

— Вижу, — старик поморщился, как от зубной боли. — Один слот. Новенький. Только из ничего?

— Я не понимаю, о чём вы.

Старик вздохнул тяжело, по-стариковски, со свистом. Пошевелил палкой угли в костре, и искры взлетели в серое небо.

— Дитя кармана, — сказал он, не глядя на Макса. — Так вас тут называют. Тех, кто приходит из ничего. С пустыми руками и одной дырой в голове.

— Я не... — начал Макс, но старик перебил.

— Убирайся отсюда. Быстро. Ночью здесь кормят не зверей. Кормят вещи.

Он поднялся. Связал свой тряпичный свёрток, закинул за спину. И пошёл прочь — не в лес, а в сторону, откуда пришёл Макс, туда, где дымила дорога.

— Пойдите! — крикнул Макс. — Что значит «кормят вещи»? Что это за место? Как отсюда выбраться?

Старик остановился. Не оборачиваясь, бросил через плечо:

— Не суй в карман то, что не сможешь накормить. И не доверяй тишине.

И ушёл. Быстро для своих лет, растворился между стволами, и через несколько секунд его уже не было видно.

Макс остался у костра один.

10

Костер догорал. Угли шипели и трескались, выбрасывая последние искры. Макс стоял, глядя на то место, где скрылся старик, и пытался переварить услышанное.

«Не суй в карман то, что не сможешь накормить.»

Что это значит? Карман — это слот? А кормить — чем? И зачем?

Он сел на землю, положив палку на колени. Усталость навалилась липкой волной, глаза слипались, хотя он боялся закрывать их. Лес вокруг не был тихим — то и дело доносились шорохи, трески, далёкие звуки, похожие на стоны.

Макс вспомнил совет старика — убирайся. Но идти дальше не было сил. Он посидит немного, даст ногам отдых, и пойдёт. Нельзя оставаться на месте. Нельзя.

Он подбросил в костёр несколько веток, лежащих рядом. Пламя вспыхнуло ярче, отбросив тени на деревья. Макс смотрел на огонь, и в голове крутились обрывки мыслей.

Инвентарь. Один слот. Два предмета внутри. Кора и палка.

Можно складывать одинаковые предметы — штабелями. Значит, система позволяет экономить место. Или позволяет носить больше.

Зачем ему больше? У него нет ничего, кроме гнилой палки и куска коры. А вокруг — лес, в котором водятся раненые волки и странные старики, говорящие загадками.

Макс пошевелил палкой угли. Пламя отразилось в его глазах, и на секунду ему показалось, что на той стороне костра, в темноте, кто-то стоит. Он моргнул — никого.

Показалось.

— Вставай, — сказал он себе. — Вставай, идиот. Нельзя здесь оставаться.

Он с трудом поднялся, опираясь на палку. Сунул её в слот — привычным движением мысли — и она исчезла из руки. Посмотрел на интерфейс. Ячейка не изменилась. Два предмета. Один слот.

Инвентарь: 1/??

Вопросы всё так же маячили в конце строчки, не давая ответа.

Макс пошёл по дороге в ту сторону, куда не ушёл старик. Туда, где лес светлел и воздух казался чище. Ноги гудели, спина ныла, раненая рука пульсировала в такт сердцу.

Он не знал, куда идёт. Но понял одно.

Здесь нет кнопки «выход».

И, возможно, никогда не будет.

— —

Конец главы.

Глава 2. Без кнопки «выход»

1

Костер догорал.

Макс смотрел на угли, и ему казалось, что они смотрят в ответ. Красные прожилки на чёрной поверхности шевелились, как раскалённые черви, и каждый раз, когда он моргал, рисунок менялся. Сначала ему чудилась морда — волчья, с оскалом. Потом — лицо. Безглазое, с провалами вместо рта. Потом просто хаос, потому что мозг устал искать паттерны там, где их не было.

Он сидел на земле, поджав колени к груди, и не двигался уже... сколько? Он не знал. Старик ушёл, оставив после себя только тлеющие головешки, смятый след в траве и тяжёлый, кислый запах пота и дыма. Макс слышал этот запах до сих пор — или ему казалось? — и это было единственное доказательство, что разговор вообще происходил.

«Дитя кармана».

«Не суй в карман то, что не сможешь накормить».

«Убирайся отсюда».

Макс прокручивал эти фразы снова и снова, как заевшую пластинку, но они не складывались в смысл. Слова были русскими, простыми, даже примитивными, но за ними чувствовалось что-то чужое. Как если бы старик говорил на знакомом языке, но имел в виду совсем другое.

Карман. Слот. Инвентарь.

Макс перевёл взгляд на правый нижний угол зрения — и серая полоска была там, как приклеенная. Полупрозрачная, равнодушная, с одной ячейкой и строчкой «Инвентарь: 1/??». Два знака вопроса — как усмешка. Как будто система знала больше него и издевалась.

— Это не сон, — сказал он вслух, и голос прозвучал чужим — хриплым, сломанным, будто он не говорил несколько дней. — Это не сон. Это не сон.

Повторял, как мантру, как заклинание от безумия. Но безумие не отступало. Оно сидело в нём, тёплое и липкое, и ждало, когда он перестанет сопротивляться.

Макс попытался вспомнить, что было до леса. Диван. Ноутбук. Список задач на завтра. Закрыв крышку — и провал. Никакого удара по голове, никакой аварии, никакой вспышки света. Просто щёлк — и темнота. А потом холод, мокрая листва и боль в затылке.

Может быть, его похитили? Вкололи какой-то препарат, подбросили в этот лес, а галлюцинации — побочный эффект? Но зачем кому-то похищать его? Он не богат, не знаменит, не связан с секретами. Обычный парень, который работает в обычном офисе, играет в обычные игры, спит на обычном продавленном диване.

Может быть, он всё-таки умер? Инфаркт во сне? Аневризма? И это — чистилище? Или ад? Ад выглядел бы более впечатляюще, наверное. Огонь, смола, черти с вилами. А здесь — просто лес. Станный, неправильный, но лес. И холод. И голод.

Желудок сжался в тугой комок, напоминая о себе тупой ноющей болью. Макс не помнил, когда ел в последний раз. Обед? Ужин? На диване, перед ноутбуком, он точно что-то жевал — чипсы, кажется, или печенье. Но это было в другой жизни. В той, где был интернет, горячая вода и кнопка «выход».

Здесь кнопки не было.

Эта мысль ударила с такой силой, что Макс физически согнулся, обхватив голову руками. Ладони вдавились в виски, пальцы запутались в волосах, и он замер в этой позе, пытаясь унять дрожь. Не холодную дрожь — внутреннюю, ту, что идёт из груди и расходится по телу, как радиация.

— Выход есть, — прошептал он в колени. — Не может не быть выхода.

Но голос звучал неубедительно.

2

Паника пришла не сразу. Она накатывала волнами, как прилив, — сначала лёгкая тревога, потом тяжесть в груди, потом удушье, когда кажется, что воздуха недостаточно, хотя лёгкие полны. Макс сидел с закрытыми глазами и дышал — коротко, часто, как выброшенная на берег рыба. Каждый вдох отдавался в рёбрах болью. Каждый выдох — свистом.

Он пытался вспомнить, что говорят психологи в таких случаях. Считать до десяти? Назвать пять предметов вокруг? Но вокруг были только темнота, дымящиеся угли и деревья с пульсирующей корой. Он уже называл их. Это не помогало.

Тогда он сделал то, что делал всегда, когда страх брал верх, — разозлился.

— Это идиотизм, — сказал он громко, вставая на ноги. Колени дрожали, но он устоял. — Это просто идиотизм. Я не знаю, где я. У меня в голове какой-то глючный интерфейс. Вокруг лес, который дышит. Это всё может быть чем угодно — болезнью, галлюцинацией, розыгрышем. Но паника не поможет. Паника только хуже.

Он говорил, как заведённый, — быстро, громко, почти агрессивно. Слова были нужны ему самому, чтобы заглушить тишину. Тишину, которая давила на уши и шептала: «Ты один. Ты совсем один. И никто не придёт».

— Если это игра, — продолжал он, обращаясь к деревьям, — то где меню? Где настройки? Где, чёрт возьми, кнопка выхода?

Он выкрикнул последнюю фразу в темноту, и лес ответил — не эхом, а каким-то глухим, низким гулом, похожим на отдалённый взрыв. Или на вздох. Или на смех.

Макс замолчал. Сердце колотилось где-то в горле.

— Меню, — сказал он тихо, чётко, как приказ. — Открыть меню.

Ничего.

— Статус. Характеристики. Инвентарь. Карта. Журнал заданий.

Ничего.

— Настройки. Графика. Звук. Управление. Сеть.

Ничего.

— Выход. Логаут. Дисконнект. Покинуть игру. Закрыть приложение. Завершить сеанс.

Слова сыпались градом, как пули, но ни одна не достигла цели. Интерфейс оставался неизменным — серая полоска, один слот, два вопроса. Макс попробовал представить, что полоска разворачивается в полноценное меню, как в играх, когда нажимаешь Escape. Ничего. Попробовал мысленно «кликнуть» на слот — тот моргнул, показывая содержимое: кора и палка, две иконки, сжатые в одну с маленькой двойкой в уголке. Но никакого меню.

Он попробовал представить, что перед ним висит невидимая панель, и провёл по воздуху рукой, как будто скроллил. Ничего.

Попробовал закрыть один глаз, потом другой — полоска не исчезала.

Попробовал зажмуриться на десять секунд — открыл — полоска была на том же месте.

Попробовал отвернуться от костра и смотреть в темноту — полоска последовала за взглядом.

— Чёрт! — он ударил кулаком по стволу ближайшего дерева. Кора оказалась твёрдой и мягкой одновременно — как резина, обтянутая кожей. Боль от удара отозвалась в костяшках, и это почему-то успокоило. Боль была настоящей. Настоящей, понятной, человеческой.

Он опустился на корточки, дыша тяжело и хрипло. Паника отступала, оставляя после себя серую, вязкую усталость. Она была почти хуже, чем страх. Страх хотя бы заставлял двигаться. Усталость шептала: «Ложись. Закрой глаза. Неважно, что будет дальше».

Макс не лёг.

3

Он заставил себя осмотреться.

Костер догорел почти полностью. От него осталась горка серого пепла, несколько тлеющих угольков и чёрные обгоревшие ветки, торчащие в разные стороны, как пальцы мертвеца. Трава вокруг была выжжена кругом, но за пределами круга — высокая, жёсткая, серо-зелёная, с редкими колючками. Макс сорвал травинку, понюхал — горько, с привкусом полыни. Растёр между пальцами — сок был липким и пахнул лекарством.

Лес стоял стеной. Деревья — сосны и берёзы, но неправильные, как он уже заметил. При свете умирающего костра стволы казались чёрными, почти угольными, и жгуты на коре выделялись ярче, словно они пульсировали в такт его сердцу. Или сердце билось в такт им.

Макс отвёл взгляд. Ему не нравилось смотреть на деревья слишком долго.

Он проверил себя. Руки — на месте. Ноги — на месте. Голова — болит, но цела. Рваная рана на предплечье — та, от волка — затянута грязной коркой, но вокруг неё кожа покраснела и стала горячее. Может быть, инфекция. Может быть, просто воспаление. Он не знал.

Он пошевелил пальцами левой руки — они слушались, хотя кончики онемели от холода. Правой — слушались, хотя рукав был липким от запёкшейся крови.

Он провёл рукой по лицу. Щетина — кажется, больше, чем должна быть за один день. Или за два? Он не знал, сколько времени прошло с момента пробуждения в лесу. Часов десять? Двенадцать? Сутки? Без солнца, без часов, без смены дня и ночи время потеряло смысл.

Карманы пустые. Он вывернул их — только пыль и мелкий мусор. Ни телефона, ни ключей, ни кошелька, ни даже зажигалки. Он лежал на диване в домашней одежде — джинсы, футболка, толстовка. Всё это было на нём, но ничего полезного.

Он проверил швы на джинсах — может, зашито что-то? Нет. В подкладке толстовки — может, тайник? Нет.

Ничего.

Он был голый, если не считать одежды. Без инструментов, без еды, без воды. Только кора, палка и один слот, в котором они лежали.

Макс достал палку из слота. Она появилась в руке мгновенно — тёплая, шершавая, с заусенцами. Он повертел её, посмотрел на свет углей. Обычная палка. Сучковатая, кривая, но достаточно прочная, чтобы ударить ею. Он ударил по стволу дерева — палка не сломалась, но руку отдало болью.

— Оружие, — усмехнулся он. — Боевой посох уровня «ноль».

Он убрал палку обратно в слот и достал кору. Та самая, с поваленного дерева. Край был острым — не лезвие, конечно, но порезать мог. Он провёл пальцем по краю — кожа не порезалась, но осталась белая полоска. Не нож, но лучше, чем ничего.

Кора тоже отправилась в слот.

Макс сел на землю, прислонившись спиной к дереву. Кора за спиной была тёплой, как живая. Он старался не обращать на это внимания.

— Хорошо, — сказал он, глядя в угли. — Допустим, это не сон. Допустим, я не умер. Допустим, я действительно попал... куда-то. В другое место. В другую реальность. В игру без выхода.

Слова звучали безумно даже для него самого.

— Что у меня есть? — продолжил он, загибая пальцы. — У меня есть два предмета. У меня есть один слот, который может их хранить. У меня есть руки-ноги и голова на плечах. У меня есть... есть надежда, что это можно как-то объяснить.

Он посмотрел на полоску в углу зрения.

— И есть этот чёртов интерфейс, который ничего не говорит.

4

Он решил провести эксперимент.

Систематически, как в школе на лабораторной работе.

Во-первых, нужно понять границы слота. Что можно положить, а что нельзя.

Он подобрал с земли горсть земли. Сжимал её в кулаке, глядя на слот. Ничего. Слот не моргнул. Земля не исчезла. Он высыпал её обратно.

— Сыпучее не работает, — записал он мысленно.

Он нашёл мелкий камешек — размером с ноготь. Поднял, сжал. Слот моргнул — и камешек исчез. Появилась иконка в ячейке, и теперь она показывала три предмета: кора, палка, камень. Число в уголке сменилось с «2» на «3».

Макс достал камешек обратно, положил в карман. Потом снова убрал в слот. Сработало.

— Твёрдый предмет, небольшой, неживой — работает.

Он попробовал положить в слот травинку — сработало. Несколько травинок — сработало, они сложились в один штабель с камнем, потому что были «неодушевлёнными предметами»? Или потому что система не различала их? Он не знал.

Он попробовал положить в слот кусок древесного угля из костра — сработало. Уголь был горячим, обжигал пальцы, но в слоте оказался и теперь лежал рядом с корой, палкой и камнем. Иконка угля была чёрной, с красными прожилками — точь-в-точь как настоящий.

— Горячее — можно, — сказал Макс. — Но больно.

Он попробовал положить в слот живого муравья, который полз по его руке. Слот не среагировал. Муравей продолжал ползти.

— Живое — нельзя, — отметил он.

Потом он попробовал положить в слот каплю воды с листа. Вода осталась на пальце.

— Жидкость — нельзя.

Попробовал положить в слот кусок коры, который уже был внутри — но вытащил, разломал на две части и попытался положить обе. Слот принял обе. Теперь в штабеле было больше предметов, но иконка осталась той же — просто число увеличилось.

— Штабелирование работает, — Макс чувствовал себя учёным, открывающим законы физики в параллельной вселенной. — Любые предметы можно складывать в кучу, и слот считает их одним... чем-то.

Он задумался. В играх обычно ограничивают количество одинаковых предметов в стеке — 99, 64, 999. Здесь, кажется, такого ограничения не было. Или он его ещё не достиг.

Сколько может вместить один слот?

Единственный способ узнать — попробовать заполнить его до предела. Но предела он не знал. И вокруг не было столько предметов, чтобы экспериментировать.

— Ладно. Дальше.

Он попробовал достать предмет не рукой, а просто силой мысли — представить, что кора оказывается в пальцах. Сработало. Предмет материализовался прямо в воздухе, на том месте, где он ожидал его увидеть. Но если он не представлял конкретное место — предмет появлялся в руке. По умолчанию.

— Мысленное управление работает. Быстро. Точно.

Он попробовал положить предмет обратно в слот не касаясь, а просто глядя на него. Ничего. Пришлось взять в руку.

— Требуется тактильный контакт, чтобы положить.

Всё это были маленькие, крошечные победы над неизвестностью. Они не объясняли главного — зачем? Откуда? Как выйти? Но они давали иллюзию контроля. А иллюзия контроля сейчас была важнее правды.

5

Вера сказала, что выхода нет.

Макс вспомнил её лицо — усталое, обветренное, с глубокими морщинами, которые не соответствовали возрасту. Она выглядела лет на тридцать, но глаза были старушечьими — жёлтые белки, тусклая радужка, пристальный взгляд, который всё подмечал и ничего не упускал.

«Была игрой. Очень давно. Теперь — нет.»

«Все, кто здесь — заперты.»

«Выхода нет. Забудь.»

Он не хотел забывать. Он хотел проверить.

Макс встал, отряхнул колени. Костер почти погас — осталась горстка тлеющих углей, которые ещё давали тепло, но не свет. Лес стал темнее, хотя неба по-прежнему не было видно. Серая муть, затянувшая кроны, не становилась ни светлее, ни темнее. Она просто была — ровная, безликая, как потолок в подвале.

Он решил попытаться вызвать меню всеми способами, какие мог придумать.

Сначала — голосовые команды. Он перебрал всё, что вспомнил из игр: «Эскейп», «Инвентарь», «I», «Таб», «Тильда», «Альт-Икс», «Контрол-Шифт-Элит». Ничего.

Потом — жесты. Он попробовал провести пальцем по воздуху, как будто скроллит смартфон. Потом — взмахнуть рукой, как в VR-играх. Потом — щёлкнуть пальцами, как будто вызывая голограмму. Ничего.

Потом — ментальные команды. Он закрыл глаза и представил перед собой большое, красивое меню с иконками: карта, персонаж, навыки, социальное, система. В системе — кнопка «Выход». Он представил, как нажимает на неё. Открыл глаза.

Ничего.

Он попробовал представить, что интерфейс разворачивается из полоски в полноценную панель. Представил анимацию — серая линия расширяется, становится прямоугольником, заполняется текстом. Ничего.

Он попробовал представить, что полоска — это и есть кнопка выхода. Надо просто сфокусироваться на ней достаточно сильно. Он смотрел на неё, не моргая, почти гипнотизируя, пока перед глазами не поплыли круги. Ничего.

— Модератор! — закричал он в темноту. — Разработчик! Администратор! Кто-нибудь!

Тишина.

— Есть тут кто?!

Тишина.

— Помогите! Я здесь! Я не знаю, как сюда попал! Помогите!

Голос сорвался, рассыпался на хрипы и кашель. Макс замолчал, тяжело дыша. Лёгкие жгло, горло саднило.

И тогда он услышал ответ.

Сначала он подумал, что ему показалось. Тихий, скрипучий смех — как ржавые петли на ветру. Он шёл откуда-то слева, из глубины леса, и был таким далёким, что Макс не мог понять — реальный он или плод воспалённого воображения.

— Кто там? — спросил он, уже не крича.

Смех прекратился. Наступила тишина.

А потом — шаги. Один шаг, второй. Лёгкие, почти неслышные, но отчётливые. Кто-то стоял за деревьями и смотрел на него. Макс не видел — только чувствовал взгляд. Тяжёлый, липкий, нечеловеческий.

Он медленно поднял палку из слота, сжал крепче.

— Выходи, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал твёрже, чем было на самом деле.

Никто не вышел. Шаги отдалились и затихли.

Макс стоял, вслушиваясь в темноту, и ждал. Минуту. Две. Пять.

Ничего.

Он опустил палку, но не убрал в слот. Оставил в руке. На всякий случай.

6

Он снова сел у костра, но теперь — спиной к дереву, чтобы ничто не могло подойти сзади. Палку положил на колени. Огонь почти погас, но угли ещё грели — слабо, но достаточно, чтобы не мёрзнуть.

Мысли в голове путались. Он пытался держаться за логику, за рациональное объяснение, но оно ускользало, как вода сквозь пальцы.

— Допустим, это игра, — начал он снова, проговаривая вслух, чтобы не сойти с ума. — Допустим, я каким-то образом зашёл в игру, хотя не помню этого. Почему я не помню? Может быть, амнезия? Может быть, принудительное подключение?

Он перебирал варианты. Насильственное удержание в игре — сюжет старый как мир. Токсичные фанатики, корпорации-монополисты, ИИ, взявший управление на себя. Но обычно в таких сюжорах у персонажа есть хотя бы меню. Хотя бы возможность увидеть свой уровень, навыки, инвентарь. Здесь же — только одна полоска. Как будто он багнутый новичок, у которого даже интерфейс не загрузился.

— Если это не игра, — продолжал он, — тогда что? Параллельный мир? Пространственно-временной сдвиг? Клиническая смерть?

Он потрогал пульс на шее — ровный, сильный. Не похоже на смерть.

— Галлюцинации? Шизофрения? Опухоль мозга?

Он постучал себя по голове костяшками — больно. Вряд ли опухоль.

— Эксперимент? Меня похитили и вживили в мозг чип, который генерирует этот мир?

Это звучало нелепо. Кому понадобится вживлять чип в мозг обычному офисному работнику? Слишком сложно, слишком дорого, слишком бессмысленно.

Оставалось одно объяснение, которого он боялся больше всего: это всё — правда. Он действительно попал в чужой мир. И выхода нет. И старик сказал правду.

— Нет, — прошептал Макс. — Не может быть. Выход есть всегда.

Он вспомнил уроки выживания, которые никогда не проходил, и фильмы, которые смотрел. Главное правило: если заблудился — не паникуй. Ищи дорогу, воду, людей. Не трать силы на бесполезное.

Он поднялся. Решил идти. Не сидеть на месте, не ждать чуда, а двигаться. Дорога, которую Вера назвала «к деревне», была впереди. Он пойдёт по ней. Найдёт людей. Узнает больше. А потом — придумает, как выбраться.

Но сначала — еда и вода.

Макс посмотрел на ручей, который нашёл раньше. Он был недалеко — может быть, в двадцати минутах ходьбы, если идти быстро. Но идти в темноте он не рискнул. Дорога была незнакомой, а лес — враждебным. Лучше дождаться... чего? Рассвета? Но здесь не было рассвета. Серое небо оставалось серым, сколько бы он ни ждал.

— Ладно, — сказал он. — Тогда — просто идти. Потихоньку. Осторожно.

Он подбросил в костёр последние ветки, лежащие рядом. Пламя вспыхнуло ярче, осветив поляну. Макс огляделся — ничего нового. Деревья, трава, тропинка, уходящая в лес.

Он подхватил палку, сунул её в слот — пусть будет наготове. И пошёл.

7

Тропинка была узкой, едва заметной. Две колеи от колёс — или от телег, или от чего-то ещё — тянулись параллельно, разбегаясь на поворотах и сходясь на прямых участках. Земля была утоптанной, но не твёрдой — ноги слегка вязли, оставляя отпечатки. Макс старался ступать бесшумно, но каждый шаг сопровождался хлюпаньем — вчерашний дождь (или вечный дождь этого мира?) превратил почву в жидкую кашу.

Лес по сторонам казался живым. Не в метафорическом смысле — буквально живым. Стволы двигались — очень медленно, почти незаметно, но если смотреть на один участок достаточно долго, можно было уловить, как меняется расстояние между деревьями. Они дышали. Или перетекали. Или просто росли с неестественной скоростью.

Макс старался не смотреть по сторонам. Он смотрел под ноги и вперёд — туда, где тропинка терялась в серой дымке.

Он прошёл метров триста, когда услышал звук.

Не шаги — что-то другое. Скрежет. Как будто кто-то точил нож о камень. Ритмичный, скрежещущий звук, который шёл из леса справа.

Макс остановился. Палка появилась в руке сама собой — мысль сработала быстрее, чем он успел осознать.

Скрежет прекратился.

— Кто здесь? — спросил он шёпотом.

Ответа не было.

Он постоял минуту, прислушиваясь. Ничего. Только его собственное дыхание и редкие капли, падающие с веток.

Он пошёл дальше.

Через сто метров тропинка раздвоилась. Левая колея уходила влево, правая — прямо, и они не сходились обратно. Макс остановился, пытаясь понять, какая из них более утоптанная. Левая была чуть шире, но правая — глубже. Значит, по правой ездили чаще? Или по ней ездили более тяжёлые телеги?

Он выбрал правую.

8

Дорога вывела его к мосту.

Не к настоящему мосту — к двум брёвнам, переброшенным через ручей. Ручей был таким же, как тот, у которого он пил, — быстрый, чёрный, с белой пеной на камнях. Брёвна лежали параллельно, в полуметре друг от друга, и были прибиты к столбам на берегах. Кто-то сделал это давно — дерево почернело, кое-где прогнило, но в целом держалось крепко.

Макс осторожно ступил на первое бревно. Оно прогнулось, но не сломалось. Он пошёл, расставив руки для равновесия, медленно переставляя ноги, стараясь не смотреть вниз. Вода под бревном была чёрной, и в ней отражалось его лицо — бледное, с впалыми щеками и горящими глазами. Он не узнал себя.

Последний шаг — и он на другом берегу. Овернулся. Мост остался позади.

Дорога пошла вверх. Теперь это была не просто тропинка, а настоящий подъём — глинистый склон, изрезанный колёсами, с торчащими из земли корнями. Макс карабкался, цепляясь за ветки, скользя в грязи, ругаясь сквозь зубы. Толстовка промокла от пота, джинсы испачкались до колен.

Он выбрался наверх и замер.

Впереди, в метрах двухстах, горели огни.

Не костры — настоящие огни. Лампы, факелы, что-то ещё. Они висели на столбах и освещали... деревню. Небольшую, в десяток домов, сколоченных из тёмного дерева, с соломенными крышами и низкими заборами.

Деревня.

Люди.

Макс чуть не закричал от облегчения. Но что-то остановило его. Он посмотрел на огни повнимательнее. Они были странными — не жёлтыми, как пламя, а бледно-голубыми, с красноватым отливом по краям. И горели ровно, без мерцания, как светодиодные лампы.

Он подошёл ближе, держась в тени деревьев. Деревня была окружена частоколом — невысоким, по пояс, но с заострёнными кольями. Внутри — дома, сарай, колодец. И ни одного человека.

Макс подошёл к воротам. Они были открыты. Он заглянул внутрь. Тишина. Ни лая собак, ни мычания коров, ни голосов. Только огни, горящие на столбах, и тени, пляшущие на стенах.

— Эй! — позвал он тихо.

Никто не ответил.

Он вошёл.

9

Деревня была пустой.

Макс прошёл по главной улице — если две линии домов можно назвать улицей. Слева и справа — низкие постройки с запертыми дверями. Некоторые двери были подпёрты досками, некоторые — просто закрыты на щеколду. Он попробовал открыть одну — заперто. Другую — тоже.

Он заглянул в окно. Внутри было темно, но он разглядел стол, лавку, печь. Всё на месте. Как будто хозяева вышли на минуту и не вернулись.

Но на столе стояла миска с кашей. Засохшей, почерневшей, покрытой плесенью. Каша стояла там давно. Очень давно.

Макс отпрянул от окна.

Он пошёл дальше. Площадь — небольшая, с колодцем посередине. Ведро на цепи, бадья рядом. Он заглянул в колодец — глубоко, вода блестит на дне, пахнет сыростью.

Рядом с колодцем — что-то вроде лавки или скамьи. На ней лежал свёрток — тряпичный, грязный, перевязанный верёвкой. Макс развернул его. Внутри оказались сухари — чёрные, твёрдые, но без плесени. Он понюхал — пахло хлебом, чуть прогорклым, но съедобным.

Он положил три сухаря в слот. Взял один в руку, откусил. Твёрдо, зубы скрипят, но можно разжевать. Вкус — как у старых армейских сухарей, без соли, без ничего. Но это была еда.

Макс съел сухарь, запив водой из фляги, которую Вера ему не дала — но он нашёл её у колодца, кожаную флягу, на четверть полную. Вода была тёплой и пахла кожей, но пить можно.

Он сделал глоток. Потом ещё.

Чувство, что он не один, не проходило.

10

Он обошёл всю деревню. Двенадцать домов, сарай, амбар, кузница без кузнеца. В кузнице — наковальня, меха, угли, давно остывшие. Инструменты на месте — молоты, клещи, напильники. Макс положил в слот молоток — средний, с деревянной рукояткой. Удобнее, чем палка. Палку он оставил — два предмета лучше, чем один.

В амбаре — сено, гнилое, пахнущее мышами. И мыши. Макс увидел одну — маленькую, серую, с блестящими глазками. Она смотрела на него из угла, не боялась. Он смотрел на неё. В голову пришла мысль, которую он тут же отогнал.

Убить. Положить в слот. Убитое — оно ведь уже не живое? Живое нельзя положить в слот — он проверял. А мёртвое? Мёртвую мышь?

Он не стал проверять.

Он вышел из амбара и сел на крыльцо ближайшего дома. Огни на столбах горели ровно, не мигая. Тишина стояла такая, что звон в ушах казался громким.

— Где все? — спросил он вслух.

Никто не ответил.

Он сидел и смотрел на пустую деревню. Она была как декорация — тщательно сделанная, с деталями, но без жизни. Хлеб в мисках, вода в колодце, инструменты в кузнице — и ни одного человека.

Может быть, их убили? Или они ушли? Или они никогда здесь не жили, а всё это — просто часть мира, сгенерированная для него одного?

Эта мысль была страшнее, чем встретить монстра.

11

Он решил переночевать в деревне. Хоть какая-то защита — стены, крыша, забор. Лучше, чем в лесу.

Он выбрал дом на краю деревни — тот, что ближе к лесу, чтобы в случае чего быстро свалить. Дверь не поддавалась, но окно было открыто. Он пролез внутрь, оставив на раме кусок толстовки.

Внутри пахло затхлостью и пылью. Макс зажгёт факел — один из тех, что горели на столбах. Он поднёс его к головешке в печи — огонь перекинулся, и факел загорелся ровным бледно-голубым пламенем.

При свете он осмотрел дом. Одна комната, печь, лавка, стол, сундук. В сундуке — тряпье, старое, дырявое. Ничего полезного.

Он сел на лавку, положил молоток на колени. Слот сжимался внутри, требовал чего-то. Он чувствовал это — не физически, а как-то иначе. Как голод. Не свой — чужой. Инвентарь хотел есть.

— Чем тебя кормить? — спросил он у пустоты.

Никакого ответа.

Он вспомнил слова Веры: «Убитым. Кровью. Смертью». И старика: «Не суй в карман то, что не сможешь накормить».

Значит, слот не просто хранил вещи. Он требовал плату. Живую плату.

Макс посмотрел на молоток в руке. Тяжёлый, металлический. Одним ударом можно убить мышь. Или крысу. Или что-то покрупнее.

Он отложил молоток.

— Нет, — сказал он твёрдо. — Пока нет.

Слот не отозвался. Но Макс показалось, что ячейка моргнула. Один раз. Медленно. Как глаз.

Он не спал в ту ночь.

12

Утром — если серый свет за окном можно было назвать утром — Макс проснулся от того, что замёрз. Он сидел на лавке, прислонившись к стене, и понял, что провалился в сон на несколько часов. Голова была тяжёлой, глаза слипались, но он заставил себя встать.

Он вышел на улицу. Деревня была такой же пустой, как накануне.

Он решил идти дальше. Дорога уходила в лес с другой стороны деревни — широкая, утоптанная, явно вела к чему-то большему.

Макс подбросил в слот ещё несколько сухарей из лавки, набрал воды из колодца, сунул молоток в руку и пошёл.

Он не прошёл и ста метров, когда услышал сзади шаги.

Он обернулся.

На дороге стояла Вера.

Та самая, с топором, которая сидела у его костра. Только сейчас она выглядела иначе — напряжённая, злая, с красными глазами, как будто не спала несколько дней.

— Ты что, идиот? — спросила она вместо приветствия. — Я же сказала — иди в другую сторону.

— Я хочу найти выход, — сказал Макс. — Ты сказала, выхода нет. Я не верю.

Вера усмехнулась.

— Хочешь проверить? Проверяй. Но не здесь. Здесь ты найдёшь только смерть.

— Почему? — спросил Макс. — Что здесь?

Вера посмотрела на деревню позади него. Потом — на него. Потом — на его правый глаз, туда, где висела полоска инвентаря.

— Один слот, — сказала она. — А вокруг — вещи, которые хотят есть. Ты сам — еда для них, пока не докажешь обратное. И эта деревня... — она кивнула на пустые дома, — ... эта деревня была полна людей. Пока их слоты не проснулись.

Макс похолодел.

— Что значит «проснулись»?

— Инвентарь, — сказала Вера, — он не игрушка. Он живёт. Он дышит. Он жрёт. Если ты не кормишь его — он кормится тобой. А если кормишь неправильно — он сходит с ума и начинает жрать всё вокруг.

Она подошла ближе. Макс заметил, что её топор был не на поясе — в руке. И лезвие было тёмным, как будто в крови.

— У тебя есть время, — сказала она тихо. — Неделя. Может быть, две. Пока твой слот не поймёт, что ты слаб. Тогда он начнёт требовать. Сначала — маленькое. Потом — большое. Потом — тебя.

— Как мне его кормить? — спросил Макс. Голос дрожал.

Вера посмотрела на него долгим, тяжёлым взглядом.

— Убивай. Всё, что движется. Зверей, монстров, людей — неважно. Чем больше смертей, тем сытнее слот. И тем больше у тебя будет слотов. А чем больше слотов, тем больше ты можешь носить. А чем больше носишь, тем сильнее ты.

Она помолчала.

— Но не думай, что это спасение. Каждый новый слот — новый голод. Каждый убитый — цепь, которая тянет тебя на дно. Я знаю одного парня, у которого тридцать слотов. Он не спит по ночам, потому что вещи разговаривают с ним. Он убил всех, кого любил. И теперь он — король на горе из трупов.

Макс молчал.

— Выбирай, — сказала Вера. — Убивать или быть убитым. Кормить или быть съеденным. Выбора нет. Ты уже в игре. А из этой игры не выходят.

Она развернулась и ушла, не прощаясь.

Макс остался стоять на дороге, глядя ей вслед.

Слот в углу зрения моргнул. Два знака вопроса смотрели на него, как глаза.

13

Он не пошёл за Верой.

Он пошёл дальше по дороге, но теперь — медленнее, осторожнее, оглядываясь на каждый шорох. В голове крутились её слова.

«Неделя. Может быть, две.»

«Инвентарь живёт. Он дышит. Он жрёт.»

«Убивай. Всё, что движется.»

Макс посмотрел на молоток в руке. Тяжёлый, надёжный. Одним ударом можно размозжить череп. Волку — да, волку можно. Но человеку? Мыши? Крысе?

Он вспомнил мышь в амбаре. Как она смотрела на него. Её можно было убить. Легко. Один удар. И положить в слот. Мёртвое — оно ведь уже не живое. Система должна принять.

Он остановился. Руки дрожали.

— Я не убийца, — сказал он вслух.

Слот не ответил.

14

Дорога вывела его к перекрёстку.

Одна дорога шла прямо — в лес, который становился всё темнее и гуще. Вторая — налево, к холмам, за которыми виднелись крыши — настоящие крыши, не деревенские, а городские, черепичные, островерхие. Третья — направо, к реке, широкой и медленной, с лодками у берега.

Макс остановился. Выбрать направление — значит выбрать судьбу. Вера сказала «иди в другую сторону» — но она не уточнила, в какую именно.

Он стоял и смотрел на три пути. Прямо — неизвестность. Налево — город. Направо — река.

Он выбрал город.

Потому что в городе — люди. А люди — это ответы. Даже если ответы страшные.

15

По дороге к городу он встретил ещё одного человека.

Это был мужчина лет сорока, в кожаном доспехе, с мечом на поясе. Он сидел у обочины, прислонившись к дереву, и перевязывал ногу. Из раны сочилась кровь — тёмная, почти чёрная.

— Помоги, — сказал мужчина, увидев Макса. Голос был слабым, но не умоляющим — скорее приказным.

Макс подошёл. Он не знал, как перевязывать раны, но у него был кусок ткани — оторвал от подкладки толстовки. Он присел рядом, наложил повязку.

— Держи, — сказал он, прижимая ткань к ране.

Мужчина зашипел от боли, но не отшатнулся.

— Ты новенький, — сказал он, глядя на правый глаз Макса. — Один слот. Долго не протянешь.

— Мне уже сказали, — ответил Макс.

— Сказали, но не объяснили, — мужчина усмехнулся. — Смотри. Инвентарь — это не просто хранилище. Это сделка. Ты даёшь ему смерть — он даёт тебе силу. Ты даёшь ему мало — он забирает твоё здоровье. Ты даёшь ему ничего — он забирает тебя.

— Как мне получить больше слотов? — спросил Макс.

— Убивать. Чем больше убиваешь, тем больше слотов открывается. Я слышал про одного парня, у которого сто слотов. Сто! Он как бог. Но и голод у него — как у стаи акул.

— Сто слотов, — повторил Макс.

— Не пытайся, — сказал мужчина. — Сто слотов — это проклятие. Ты не будешь принадлежать себе. Вещи будут говорить с тобой. Командовать тобой. Жрать тебя изнутри. Лучше оставайся с одним. Живи тихо. Охотись на крыс. Этого хватит.

— А если я не хочу убивать?

Мужчина посмотрел на него как на ребёнка.

— Тогда ты умрёшь. Быстро. Или медленно. Но умрёшь. Инвентарь не прощает слабости.

Он встал, опираясь на меч. Повязка уже пропиталась кровью, но мужчина, казалось, не замечал боли.

— Спасибо за повязку, — сказал он. — Но я не могу помочь тебе больше. У каждого свой слот. И своя смерть.

Он ушёл, хромая, но быстро.

Макс остался сидеть у обочины, глядя на кровавое пятно на траве.

Слот моргнул.

16

К городу он подошёл через час.

Город назывался «Тихий причал» — табличка на воротах была криво прибита, буквы выцвели. Ворота были открыты, но у входа стояли двое стражников — в кольчугах, с алебардами. Они смотрели на Макса без интереса, но когда он приблизился, один из них поднял руку.

— Стоп. Покажи слоты.

Макс замер.

— Что?

— Слоты, говорю, покажи. Инвентарь. Мы не пускаем в город тех, у кого больше десяти слотов. Опасно.

Макс облегчённо вздохнул.

— У меня один.

Стражник посмотрел на его правый глаз, кивнул.

— Проходи. Но без глупостей. И не корми инвентарь в черте города. За убийство — смерть.

Макс кивнул и вошёл.

17

Город оказался больше, чем казался издали.

Узкие улочки, вымощенные булыжником, двух- и трёхэтажные дома с черепичными крышами, вывески над дверями. Люди. Много людей. Они ходили, разговаривали, торговали — как в обычном средневековом городе. Но было в них что-то не так.

Макс присмотрелся.

У каждого — у каждого! — в правом нижнем углу зрения виднелась полоска. У кого-то одна ячейка, как у него. У кого-то две, три, пять. У одного торговца он насчитал семь слотов — семь ячеек, выстроенных в линию, как ряд зубов.

Инвентарь был у всех.

Это была не игра. Это был мир.

Макс шёл по улице, и люди смотрели на него. Не враждебно, но настороженно. Новенький. Один слот. Легкая добыча.

Он чувствовал их взгляды на спине. И чувствовал, как его собственный слот сжимается, будто принохивается.

18

Он нашёл таверну — «Пьяный карман», называлась. Зашёл внутрь.

Было душно, пахло жареным мясом, дешёвым вином и потом. За столами сидели люди — мужчины и женщины, все с полосками инвентаря. Они ели, пили, спорили. Нормальная жизнь в ненормальном мире.

Макс сел за свободный столик в углу. К нему подошла девушка — официантка, с двумя слотами.

— Что будешь?

— Еду и воду, — сказал Макс. — У меня нет денег.

Девушка посмотрела на него с жалостью.

— Первый раз в городе? Платить можно убитыми. Любое мясо. Чем свежее, тем лучше.

Макс похолодел.

— У меня нет убитых.

— Тогда ничего не получишь, — девушка развернулась и ушла.

Он сидел голодный, с пустыми карманами и одним слотом, который требовал еды — не хлеба, не сухарей, а крови.

19

К нему подсел мужчина.

Старый, морщинистый, с одним глазом и тремя слотами. Он посмотрел на Макса, на его полоску.

— Один слот, — сказал он. — И не кормленный. Долго не протянешь.

— Я знаю, — устало ответил Макс.

— Знаешь, но не понимаешь, — старик усмехнулся. — Смотри. Я живу здесь двадцать лет. Двадцать лет я убиваю крыс, чтобы накормить свои три слота. Каждый день — по крысе. Каждый день. Если пропускаю день — слоты начинают болеть. Если два — я болею. Если три — я умираю.

Макс слушал, не перебивая.

— Вот что значит «кормить», — сказал старик. — Это не разовая акция. Это образ жизни. Ты будешь убивать каждый день, до конца своей жизни. Или сдохнешь.

— А если убьёшь человека? — спросил Макс. — Слот станет сытее?

Старик посмотрел на него долгим взглядом.

— Человек — это много. Очень много. Одно убийство человека может накормить слот на месяц. Но цена... цена высока. Душа. Совесть. Человечность. После первого убийства ты уже не будешь прежним. А после десятого — перестанешь замечать.

Он встал.

— Выбирай, парень. Крысы или люди. Но выбирай быстро. Слот не ждёт.

Он ушёл.

Макс сидел в таверне, смотрел на людей вокруг — их слоты мерцали, как звёзды. Каждый слот был чьей-то смертью. Каждый слот был чей-то жизнью.

И его слот тоже.

Он закрыл глаза. Усталость навалилась такой тяжестью, что он почти заснул за столом. Но не заснул. Потому что в голове звучали слова, которые он не мог забыть:

«Из этой игры не выходят».

20

Он выбрался из города под вечер. Серое небо потемнело — не до черноты, но до густой синевы, как перед грозой. Макс шёл по дороге, не зная куда.

Сзади слышались шаги. Он обернулся.

Никого.

Шаги приближались. Слева.

Никого.

Шаги были сзади, слева, справа — отовсюду. Но никого не было.

Макс побежал.

Он бежал, не разбирая дороги, спотыкаясь о корни, задыхаясь. За спиной кто-то смеялся — тем же скрипучим, ржавым смехом, который он слышал у костра.

Он вылетел на поляну — ту самую, где проснулся. Лес, деревья, мокрая листва.

Смех прекратился.

Макс упал на колени, тяжело дыша. Пот выжигал глаза, сердце колотилось так, что казалось, разорвёт грудную клетку.

Он поднял голову.

Напротив него стоял старик. Тот самый, который сидел у костра. Только теперь он не выглядел старым и немощным. Он выглядел опасным. Его слоты — а их было много, десятки — горели красным.

— Ты не слушал меня, — сказал старик. — Я сказал — убирайся. Ты пошёл в город. Ты говорил с людьми. Ты узнал слишком много.

— Кто вы? — прошептал Макс.

— Я — тот, кто смотрит, — ответил старик. — Я вижу всех новеньких. И я знаю, кто выживет, а кто нет. Ты не выживешь.

Он шагнул вперёд.

Макс вскочил, выхватил молоток из слота, замахнулся.

Старик засмеялся.

— Ты даже ударить меня не сможешь. Потому что я — не настоящий. Я — голос твоего слота. Я — твоя совесть. Я — твой страх. И я здесь, чтобы сказать тебе правду.

Он наклонился к самому лицу Макса.

— Выхода нет. Ты здесь навсегда. И единственный способ выбраться — умереть. Но даже тогда ты не вернёшься. Ты просто станешь едой для чьего-то слота.

Старик исчез.

Макс остался один в лесу, с молотком в руке и слотом, который мерцал, как живой.

Он опустился на землю, обхватил голову руками и заплакал. Впервые за долгое время — с тех пор, как проснулся в этом мире.

Плакал, пока не кончились слёзы.

А потом встал. И пошёл.

Потому что даже если выхода нет — надо идти.

Или умереть.

А умирать он не хотел.

Конец главы.

Глава 3. Первый нож

1

Макс шёл, и мир вокруг него стал другим.

Не лес изменился — он сам. Что-то внутри сместилось, сдвинулось с места, как тектоническая плита после долгого затишья. И теперь каждое движение, каждый шаг, каждый вздох отдавались в том месте, где раньше ничего не было — пустота за грудиной, чуть левее сердца, там, где кончаются лёгкие и начинается что-то, для чего у него не было названия.

Голод.

Но не его голод.

Макс остановился, прислонившись спиной к стволу дерева. Кора была тёплой и влажной, как после дождя, и он снова почувствовал, как под его лопатками пульсируют эти жгуты — медленно, глубоко, в ритме, который не совпадал с биением его сердца. Ритм был другой. Чуждый. Как у существа, которое заснуло внутри дерева и теперь просыпалось от его прикосновения.

Он провёл рукой по лицу. Щетина колола ладонь. Глаза слипались, веки были тяжёлыми, как свинцовые пластины, но спать не хотелось. Вернее, хотелось, но что-то мешало. Тот самый голод. Он сидел в затылке, в позвоночнике, в суставах — везде и нигде одновременно. Сладкий, тянущий, как зубная боль, только не в одном зубе, а во всём теле.

Макс посмотрел на правый нижний угол зрения.

Серая полоска висела на месте. Инвентарь: 1/???. Ячейка — одна, пустая наполовину, с иконками, сжатыми в штабель. Кора, палка, камень, молоток, три сухаря, фляга с водой. Всё на месте. Но цвет изменился. Раньше полоска была просто серой — нейтральной, безликой, как кусок мокрого асфальта. Теперь она отливала багрянцем. Тонким, едва заметным, как налёт ржавчины на лезвии старого ножа.

И ячейка пульсировала.

Макс моргнул, думая, что это игра света — но света не было. Серое небо висело над кронами ровной пеленой, не давая ни теней, ни бликов. Пульсация была настоящей. Медленной. Живой.

— Ты чего? — спросил он шёпотом, обращаясь к пустоте. К слоту. К тому, что внутри.

Никто не ответил. Но он почувствовал, как в ответ на его слова что-то шевельнулось там, глубоко, на границе сознания. Не мысль — ощущение. Как будто кто-то приоткрыл дверь в тёмную комнату и тут же захлопнул её обратно.

Макс отлепился от дерева и пошёл дальше.

2

Он брёл по лесу уже не знал сколько времени. Часов у него не было, солнца тоже. Серое небо оставалось неизменным — ни светлее, ни темнее, ни облачнее. Время застыло, как смола в янтаре, и единственным его мерилom была усталость. Она росла, накапливалась в мышцах, в суставах, в позвонках, и каждые полчаса Максиму приходилось останавливаться, чтобы перевести дыхание.

Ноги гудели. Левая кроссовка разлезлась по шву — он заметил это ещё утром (если это было утром), и теперь палец вылезал наружу, цепляясь за корни и камни. Он нагнулся, завязал шнурок потуже, но ткань уже не держала. Скоро он останется босиком.

— Отлично, — пробормотал он. — Просто отлично.

Голос прозвучал хрипло, как у курильщика с двадцатилетним стажем, хотя он не курил. Горло саднило от холодного воздуха — или от криков, которыми он разгонял тьму прошлой ночью. Или от страха. Страх тоже сушил горло, он знал это.

Он вытащил флягу из слота — мысль сработала мгновенно, и кожаный мешок с водой материализовался в руке. Отпил глоток. Вода была тёплой, пахла кожей и медью, но это была вода. Жидкая. Холодная. Живая.

Он сделал ещё глоток. Потом ещё.

Фляга опустела наполовину.

Он убрал её обратно, чувствуя, как слот принимает предмет с лёгким, почти незаметным «всосом». Раньше этого ощущения не было. Раньше предметы просто исчезали — щёлк, и нет. Теперь было иначе. Теперь Макс чувствовал, как слот тянет вещь из пальцев, как будто не он кладёт её туда, а она сама стремится внутрь. Как будто слот ждал. Требовал. Алкал.

Он потряс головой, отгоняя наваждение.

— Это просто усталость, — сказал он вслух. — Ты просто устал. Галлюцинации. Не выспался. Вот и всё.

Но он знал, что это не так.

3

Лес вокруг был всё таким же неправильным. Деревья росли под неестественно ровными углами, ветви расходились симметрично, как на картинке из учебника ботаники для начальной школы — только учебник этот рисовал сумасшедший. Кора на стволах была скручена в жгуты, и жгуты эти медленно вращались, как канаты под нагрузкой. Где-то глубоко внутри древесины слышался звук — низкий, гудящий, похожий на пение проводов под ветром. Но ветра не было.

Воздух стоял неподвижно.

Макс попытался не обращать внимания на деревья. Он смотрел под ноги, на тропинку — узкую, едва заметную, протоптанную кем-то до него. Она вилась между стволами, то исчезая в зарослях папоротника, то появляясь снова, широкая и отчётливая, как настоящая дорога. Но никто не шёл по ней. Ни звери, ни люди, ни те, кто мог бы оставить следы.

Следы были. Старые. Вдавленные в грязь ещё несколько дней — или недель — назад, теперь они превратились в твёрдые корки, которые хрустели под подошвой, как наст. Макс нагнулся, рассмотрел один отпечаток. Сапог. С толстой подошвой, с широким носком. Человеческий. Или человекообразный.

Рядом с отпечатком сапога — другой. Меньше. Острее. Коготь?

Макс выпрямился и пошёл быстрее.

4

Через какое-то время он вышел к ручью.

Тому самому, у которого пил в первую ночь — или в первый день, он уже путался. Узнал его по изгибу: ручей делал резкую петлю вокруг большого валуна, поросшего мхом, и уходил вниз, к зарослям ивняка. Вода журчала так же равномерно, как и в прошлый раз, и этот звук был единственным, что казалось нормальным во всём лесу.

Макс опустился на колени у воды. Хотел напиться — и замер.

Запах.

Сильный, сладковатый, тошнотворный. Запах падали. Он шёл откуда-то сверху, с той стороны ручья, где берег поднимался уступом, поросшим корявыми кустами. Макс поднял голову и принялся. Да, точно. Пададь. Свежая — не вчерашняя и не недельной давности. Та, что пахнет так, что желудок сворачивается в узел, а ноги сами несут прочь.

Он должен был уйти. Всё в нём кричало: уйди, не смотри, не лезь. Но слот в углу зрения моргнул — ярко-красным, как сигнальная лампа на приборной панели. И Макс почувствовал, как его рука тянется к поясу, к молотку, который он так и не убрал в слот после пробуждения.

Он перешёл ручей вброд. Вода обожгла холодом, кроссовки промокли насквозь, но он не обратил внимания. Он шёл на запах, как собака на поводке, который не он держал.

5

Он нашёл тушу через пять минут.

Она лежала на камнях, у самого края воды, там, где ручей разливался в мелкую заводь. Крупный зверь — размером с овчарку, но сложенный иначе: длинное тело, короткие лапы, мощная челюсть, усеянная кривыми зубами. Шерсть была бурой, свалявшейся в колтуны, на боку зияла рваная рана — от лопатки до таза. Кто-то вспорол его, как мешок, и вывалил внутренности наружу. Они уже почернели, но влажно блестели в сером свете.

Макс никогда раньше не видел такого зверя. Не волк, не собака, не шакал. Морда была слишком короткой, уши — слишком длинными, а глаза — даже мёртвые — смотрели жёлто, с вертикальными зрачками, как у змеи.

— Что ты такое? — спросил он шёпотом.

Туша не ответила. Мухи — чёрные, крупные, каких он тоже никогда не видел — копошились в ране, и их жужжание было единственным звуком, кроме журчания воды.

Макс нагнулся, протянул руку, чтобы потрогать шерсть — и в тот же миг слот дёрнулся. Не моргнув — именно дёрнулся, как живое существо, которое рвётся с привязи. Макс отдёргнул руку, но было поздно: слот уже понял, что рядом есть мясо. Свежее. Мёртвое. Еда.

Он почувствовал, как внутри, там, где не было органов, открылась пасть. Не настоящая — метафорическая, но от этого не менее реальная. Голодный рот, который облизнулся и сказал: «Хочу».

— Нет, — сказал Макс вслух. — Я не кладу это в слот. Я не убивал его.

Слот не ответил. Но красный цвет стал глубже, насыщеннее, и пульсация ускорилась.

Макс выпрямился и отошёл на два шага назад. Потом ещё на два. Туша лежала неподвижно, но ему казалось, что она смотрит на него мёртвыми жёлтыми глазами и ухмыляется.

Он развернулся и пошёл прочь, оставляя за спиной запах падали и урчание голодного слота.

6

Он не мог идти быстро. Ноги в мокрых кроссовках скользили по грязи, он то и дело цеплялся за корни и камни, и каждый раз, когда он едва не падал, слот пульсировал — как будто смеялся. Или торопил.

Макс остановился у большого дуба — вернее, у дерева, которое должно было быть дубом, но кора у него была не дубовая, а какая-то чешуйчатая, как у рептилии. Он прислонился к стволу, закрыл глаза и попытался унять дыхание.

— Ты не можешь голодать, — сказал он слоту. Он говорил тихо, почти ласково, как с больным ребёнком. — Ты — просто инвентарь. Набор ячеек. Программный код. У тебя нет желудка. Нет рта. Нет зубов.

Слот не ответил.

— Ты не можешь хотеть есть, — повторил он. — Ты не живое.

Пульсация стала ярче.

Макс открыл глаза и посмотрел на полоску в правом нижнем углу. Красный цвет теперь был не налётом — он заполнил всю ячейку, от края до края, и только иконки предметов

темнели на этом фоне чёрными силуэтами. Слот был голоден. По-настоящему, мучительно, нестерпимо голоден.

И Макс понял, что Вера говорила правду.

Инвентарь не просто хранил вещи. Он жил. Он дышал. Он жрал.

7

Он достал из слота сухарь.

Чёрный, твёрдый, с засохшей коркой. Откусил кусок, прожевал. Сухарь скрипел на зубах, крошился, как мел, и не имел вкуса — только запах прогорклого масла и старой муки. Он проглотил, чувствуя, как комок царапает горло.

Слот не успокоился.

Он достал ещё один сухарь. Съел. Потом третий. Выпил воды — всю, что оставалась во фляге. Наполнил её заново из ручья (он отошёл от туши на сотню метров, там вода была чистой) и выпил ещё.

Желудок наполнился, но голод не прошёл. Потому что это был не его голод.

Макс посмотрел на свою руку — на тыльную сторону ладони, где осталась царапина от ветки. Кожа покраснела вокруг неё, но не гноилась. Заживало нормально. Он провёл пальцем по царапине — больно, остро, как укол.

Слот дёрнулся.

Макс отдёрнул руку. Ему показалось — только показалось? — что слот потянулся к его крови. К боли. К живому теплу, которое пульсировало под кожей.

— Нет, — сказал он громче. — Нет. Ты не получишь меня.

Слот обиженно потускнел. Но ненадолго. Через несколько секунд пульсация вернулась с той же силой.

8

Макс пошёл дальше, но теперь он знал: нужно что-то делать. Слот не успокоится сам. Ему нужна была смерть. Чья-то, не важно — зверя, монстра, крысы. Но не его.

Он искал.

Лес, казалось, опустел. Раньше он слышал шорохи — может быть, мыши, может быть, птицы, может быть, те самые волки. Теперь было тихо. Слишком тихо. Даже ветки не трещали, даже листья не шелестели под ногами — он ступал на мох, на мягкую землю, на прелую хвою, и шаги тонули в тишине, как камни в болоте.

Макс остановился, прислушался.

Ничего.

Он сделал шаг влево, в заросли папоротника — и услышал шорох.

Тихий, быстрый, словно что-то маленькое перебежало от одного укрытия к другому. Макс замер. Сердце заколотилось быстрее, но не от страха — от надежды. Еда.

Он опустился на корточки, стараясь не шуметь. Вытащил из слота молоток — тяжёлый, надёжный, с деревянной рукояткой и квадратным бойком. Сжал покрепче.

— Выходи, — прошептал он.

Никто не вышел.

Он ждал. Десять секунд. Двадцать. Тридцать.

Шорох повторился — теперь справа. Макс повернул голову, но ничего не увидел. Только папоротник, мох и стволы деревьев, которые стояли слишком прямо, чтобы быть настоящими.

Он встал, сделал два шага в сторону шороха — и чуть не наступил на грызуна.

9

Крыса.

Крупная, серая, с длинным лысым хвостом и маленькими блестящими глазами. Она сидела под корнями упавшего дерева и смотрела на него. Не боялась. Или боялась, но не убегала — потому что не могла. Задняя лапа была сломана — висела под неестественным углом, и крыса волочила её за собой, когда пыталась передвинуться.

Макс смотрел на неё, и слот смотрел вместе с ним.

Красный цвет залил ячейку целиком. Иконки исчезли — осталась только пульсирующая багровая пустота. Слот хотел крысу. Хотел так сильно, что Макс почувствовал это физически: его рука с молотком поднялась сама собой, без его воли, и занеслась для удара.

— Нет, — сказал он, опуская руку.

Рука не слушалась. Она снова поднялась.

— Я сказал — нет!

Макс с усилием, сжав зубы до скрежета, заставил себя разжать пальцы. Молоток упал на землю с глухим стуком. Крыса дёрнулась, но не убежала — только отползла на несколько сантиметров и замерла, глядя на него чёрными бусинками глаз.

Слот взвыл.

Не звуком — ощущением. Макс показалось, что ему залили в череп расплавленный свинец. Боль была мгновенной, острой, но не физической — какой-то другой, нервной, электрической. Она прошла так же быстро, как началась, но оставила после себя тошноту и слабость в коленях.

Он опустился на четвереньки, тяжело дыша. Перед глазами плыли круги.

— Ты... — прошептал он, обращаясь к слоту. — Ты не смеешь... делать мне больно.

Слот не ответил. Но красный цвет стал темнее. Насыщеннее. Злее.

Крыса уползла под корни, когда он поднимался. Макс не стал её искать. Он подобрал молоток, сунул его в слот — тот принял предмет с неохотой, как будто плевался — и пошёл дальше, шатаясь, как пьяный.

10

Он шёл, и в голове у него было пусто.

Не спокойно — именно пусто. Как будто кто-то выключил звук, убрал мысли, оставив только голую, животную потребность двигаться вперёд. Ноги переставлялись сами, обходя корни и камни, тело наклонялось под низкими ветками, руки раздвигали заросли папоротника — всё автоматически, без участия сознания.

Макс не знал, куда идёт. Он просто шёл.

Через какое-то время — может быть, через час, может быть, через два — лес начал редеть. Стволы становились тоньше, корни мельче, земля — тверже. Между деревьями появились просветы, и в одном из них Макс увидел серое небо, которое висело над кронами как бетонный потолок.

Он вышел на поляну.

Небольшую, круглую, окружённую стеной молодых сосен. В центре поляны лежала груда камней — старых, замшелых, поросших лишайником. Когда-то это могло быть основание башни или часть стены. Теперь — просто груда.

Макс сел на самый большой камень, положил руки на колени и уставился в одну точку.

Слот пульсировал ровно, мерно, как второе сердце. Не агрессивно — устало. Как будто он тоже выдохся от этого бесконечного голода.

— Я не буду убивать крысу, — сказал Макс тихо. — Я не буду убивать ничего, что не пытается убить меня.

Слот не ответил.

— Ты понял? — он повысил голос. — Я не убийца.

Тишина.

— Я не убийца.

Слова повисли в воздухе, тяжёлые и пустые, как камни под ногами.

11

Он просидел на камне, наверное, с полчаса. Мышцы затекли, спина заныла, но вставать не хотелось. Встать — значит идти дальше. Идти дальше — значит снова искать еду для слота. А искать еду — значит убивать.

Он не был готов.

Он никогда не убивал никого крупнее мухи. В детстве давил жуков — не специально, просто так выходило. В подростковом возрасте однажды наступил на мышеловку с мышью — та ещё дёргалась, и он запомнил этот звук на всю жизнь. Хруст. Писк. Тишина.

С тех пор он не убивал.

И сейчас не хотел.

Но слот не спрашивал, хочет он или нет. Слот требовал. Требовал так, как может требовать только голодный желудок — без логики, без аргументов, без жалости. Просто: дай. Или умрёшь.

Макс поднял голову к небу. Серое, плоское, без солнца, без облаков, без надежды.

— Почему я? — спросил он. — За что?

Небо не ответило.

Он встал.

12

Поляна с камнями осталась позади. Макс снова шёл по лесу, но теперь — медленнее, осторожнее, вглядываясь в каждую тень, вслушиваясь в каждый шорох. Он искал не еду. Он искал ответ.

Слот не успокаивался. Красный цвет стал привычным — он уже не резал глаза, не давил на психику. Просто был. Как фон. Как шум в ушах, который перестаёшь замечать через час.

Макс нашёл овражек случайно.

Он обходил заросли колючего кустарника, цепляясь толстовкой за ветки, и вдруг земля ушла из-под ног. Он едва удержался, ухватившись за корень, и посмотрел вниз. Овражек был неглубоким — метра три-четыре в глубину, с пологими стенами, осыпавшимися глиной и кам-

нями. На дне росли папоротники и крапива, пахло сыростью и чем-то кислым, как прокисшее молоко.

Макс начал спускаться, цепляясь за корни и кочки. Ноги скользили по мокрой глине, кроссовки превратились в две грязные тряпки, но он упрямо лез вниз, не зная зачем. Звал? Что-то звало его туда. Не слот — другое. Любопытство. Или отчаяние. Или глупая надежда найти что-то, что изменит правила.

Он спустился на дно. Крапива обожгла руки через рукава толстовки, он отшатнулся и чуть не упал, но устоял. Огляделся.

В дальнем конце овражка, там, где стена была почти отвесной, виднелась расщелина. Узкая, не больше метра в ширину, уходящая в темноту. Из неё тянуло холодом и запахом сухой пыли — не леса, не земли, а чего-то древнего, запечатанного, забытого.

Макс пошёл туда.

13

Расщелина оказалась глубже, чем казалось снаружи. Он шагнул внутрь — и стены сомкнулись над головой, оставив только узкую полоску серого неба где-то далеко наверху. Воздух стал сухим и тёплым, как в пещере. Пахло камнем и чем-то металлическим — ржавчиной, железом, кровью.

Макс вытащил из слота молоток — на всякий случай. Слот дёрнулся при этом, как собака, которой пообещали кость, но не дали. Он проигнорировал.

Он шёл вперёд, осторожно ступая по каменистому полу. Свет снаружи быстро угасал, и через десять шагов он почти ничего не видел — только смутные очертания стен и свои руки, которые он поднял перед собой, чтобы не удариться лицом.

Потом он наступил на что-то, что хрустнуло.

Макс замер, опустил взгляд. В полумраке он разглядел кости. Мелкие, рассыпанные по полу, как спички. Чьи-то позвонки, рёбра, фаланги. Старые, выбеленные временем, без запаха и блеска.

Он перешагнул через них и пошёл дальше.

Через несколько шагов костей стало больше. Они лежали кучами, грудами, переплетённые друг с другом, как спящие змеи. Здесь был целый скелет — не человеческий, но похожий. Череп вытянутый, с длинными челюстями и мелкими зубами. Рёбер больше, чем у человека. Позвоночник длиннее.

Макс обошёл скелет и увидел то, что лежало за ним.

14

Кинжал.

Он лежал на плоском камне, в самом конце расщелины, там, где стены сходились почти вплотную. Лезвие — ржавое, с зазубринами, но не сломанное. Рукоять обмотана тряпкой — чёрной, промасленной, с тёмными пятнами, которые могли быть кровью. Общая длина — с ладонь. Кинжал был маленьким, невзрачным, почти игрушечным.

Но Макс, увидев его, почувствовал, как внутри всё оборвалось.

Слот взорвался красным.

Не пульсация — вспышка. Яркая, ослепительная, как прожектор в лицо. Макс зажмурился, но цвет пробивался сквозь веки, заливая всё багрянцем. Слот хотел кинжал. Хотел так сильно, что Макс забыл, как дышать.

Он шагнул вперёд, протянул руку, взял кинжал.

Лезвие было холодным — ледяным, хотя в расщелине было тепло. Рукоять — наоборот, тёплой, как живое тело. Когда пальцы сомкнулись вокруг неё, Макс почувствовал пульс. Не свой — чужой. Кинжал бился в такт слоту, и этот ритм совпал с его собственным сердцем на третьем ударе.

Он поднял кинжал над головой, разглядывая в полумраке. Ржавчина покрывала лезвие пятнами, но не всюду — местами металл блестел, как новый, отражая свет, которого в расщелине не было.

— Ты... — начал Макс, но не закончил.

Слот дёрнулся — и кинжал исчез из руки.

Макс не клал его в слот. Слот забрал его сам.

15

В первую секунду он ничего не почувствовал. Только удивление — пустое, детское, как будто фокусник вытащил кролика из шляпы, только наоборот. Кинжал был здесь — и его нет. Всё.

На вторую секунду пришёл холод.

Не физический — внутренний. Как будто кто-то открыл дверцу в холодильник внутри его грудной клетки. Макс поёжился, обхватил себя руками, но холод не уходил. Он рос, поднимался от живота к горлу, от горла к затылку.

На третью секунду холод сменился присутствием.

Кто-то был в его голове. Не гость — жилец. Кто-то, кто всегда здесь сидел, просто ждал, пока его заметят. Макс не слышал голоса — он чувствовал вес. Как будто внутрь черепа положили камень. Тяжёлый, холодный, чужой.

— Что... — прошептал он.

И тогда кинжал заговорил.

16

Не звуком. Мыслью.

Не его мыслью.

Она пришла готовая, оформленная, с чёткой интонацией и смыслом, как телеграмма, отстуканная на машинке. В ней не было сомнений, вопросов, просьб. Был приказ.

«Накорми меня».

Макс вздрогнул. Огляделся — никого. Только стены расщелины, кости на полу и он один в полумраке.

— Кто здесь? — спросил он. Голос прозвучал глухо, как в подвале.

«Накорми меня».

Мысль повторилась. Та же интонация, тот же холод. Ни злобы, ни дружелюбия — только требование. Чистое, как голод.

Макс опустил взгляд на свою руку. Кинжала в ней не было — он лежал в слоте. Макс посмотрел на полоску в углу зрения. Ячейка горела красным, и внутри неё, среди иконок коры, палки, камня и молотка, появилась новая иконка. Маленький кинжал. Острый. С каплей крови на кончике.

— Ты говоришь? — спросил он у слота. — Это ты?

«Накорми меня».

— Не «меня», — поправил он вдруг. — «Меня» — это кинжал? Или слот?

Молчание. Только пульсация.

Макс сосредоточился, мысленно «потянулся» к иконке кинжала, как раньше тянулся к предметам, чтобы достать их. Иконка моргнула — и кинжал материализовался у него в руке.

Тёплый. Живой. Пульсирующий.

Он сжал рукоять, и в тот же миг голос в голове стал громче. Чётче. У него появилась личность — не человеческая, но узнаваемая. Голос был низким, чуть скрипучим, как старое дерево на ветру. И он сказал:

— Накорми меня, хозяин. Я голоден.

17

Макс выронил кинжал.

Он упал на каменный пол с металлическим звоном, и голос в голове на секунду исчез — только эхо, как от удара колокола. Макс отступил на шаг, прижимаясь спиной к холодной стене. Сердце колотилось где-то в горле, руки дрожали, по спине тек холодный пот.

— Ты... ты говоришь, — прошептал он. — Ты на самом деле говоришь.

Кинжал лежал на камне, неподвижный, ничем не отличающийся от обычного куска ржавого металла. Но Макс знал: он слышал. Не галлюцинация. Не бред. Голос был настоящим.

Он нагнулся, поднял кинжал. Пальцы не слушались, пришлось сжимать рукоять обеими руками.

— Ещё раз, — сказал он. — Скажи ещё раз.

Несколько секунд — ничего. Тишина. Потом — мысль, такая же чёткая, как первая, но с другим оттенком. Нетерпение.

— Накорми меня. Я жду.

— Кто ты? — спросил Макс. — Что ты такое?

— Я — нож. Я — голод. Я — то, что ты носишь. Накорми меня, и я буду служить. Не накормишь — я буду жрать тебя.

Максу стало холодно. Не от воздуха — от слов. Он посмотрел на лезвие — ржавое, тусклое, но в глубине металла, там, где не должно было быть света, горела красная искра. Маленькая, пульсирующая в такт его сердцу.

— Как тебя кормить? — спросил он, хотя уже знал ответ.

Кинжал не ответил словами. Он показал образ.

Макс увидел внутренним взором поляну, ту самую, где он встретил Веру. На поляне лежал волк — тот самый, хромой, с жёлтыми глазами. Волк был жив, он дышал, он смотрел на Макса. А потом горло волка перерезали — и кровь хлынула на землю, тёмная, густая, пахнувшая железом.

Видение исчезло. Макс стоял в расщелине, прижимая кинжал к груди, и чувствовал, как его тошнит.

— Ты хочешь, чтобы я убивал, — сказал он. — Животных. Людей.

— Да.

— Почему?

Кинжал молчал несколько секунд. Потом пришла новая мысль — спокойная, почти философская:

— Потому что я могу быть сытым или голодным. Сытый я работаю. Голодный я ем хозяина. Выбирай.

18

Макс сунул кинжал обратно в слот.

Не положил — сунул, грубо, зло, как засовывают вещь в ящик, чтобы не видеть. Слот принял его без возражений. Красный цвет, пульсация — всё осталось на месте, но голос исчез. Только фон — тихое, навязчивое «накорми», которое жужжало где-то на границе слышимости, как муха за стеклом.

Он выбрался из расщелины, карабкаясь по глинистому склону, цепляясь за корни и камни. Руки дрожали так сильно, что он срывался, падал на колени, вставал и лез снова. Наверх он выполз, грязный, мокрый от пота, с ободранными ладонями, и рухнул на землю у края овражка.

Лес вокруг был прежним. Деревья стояли слишком прямо, кора пульсировала, небо висело серой пеленой. Ничего не изменилось. Только он сам стал другим.

Он лежал на спине, глядя вверх, и чувствовал, как внутри него, в слоте, лежит кинжал и ждёт. Ждёт, когда он сдастся. Когда примет правила этой игры. Когда накормит.

— Я не сдамся, — прошептал Макс в небо. — Ты слышишь? Не сдамся.

Кинжал не ответил. Но Макс знал: он слышал.

19

Он не заметил, как заснул.

Просто закрыл глаза на минуту — и провалился в темноту, глубокую, без сновидений, как в яму без дна. Сознание отключилось полностью, без снов, без мыслей, без голоса кинжала. Только тьма и тишина.

А потом пришёл сон.

Он понял, что спит, не сразу — мир вокруг изменился, но плавно, без скачков, как будто камера медленно навела фокус. Он стоял на поляне, но не на той, где просыпался, и не на той, где встретил Веру. Поляна была чужой — выжженной, чёрной, с пеплом вместо травы.

В центре поляны лежал кинжал.

Только не ржавый и маленький, а огромный, с человеческий рост, воткнутый в землю лезвием вниз. Рукоять уходила в небо, и на ней, на самом верху, сидела фигура в чёрном плаще. Лица не было — только капюшон и две красные точки вместо глаз.

— Ты пришёл, — сказала фигура. Голос был низким, скрипучим, как у кинжала, но глубже, объёмнее, как будто говорила сама земля.

— Кто ты? — спросил Макс. Во сне он не боялся. Во сне страха не было — только холодное любопытство.

— Я — то, что ты носишь. Я — голод. Я — инвентарь. — Фигура спрыгнула с рукояти, приземлилась без звука. Подошла ближе. Красные точки горели в темноте капюшона. — Я — твоя душа, Макс. Только голодная.

— Моя душа не может быть голодной.

— Может. — Фигура протянула руку — чёрную, костлявую, с длинными пальцами. — Накорми меня. Всего один раз. Убей что-нибудь. Маленькое. Неважно. Просто убей.

— Нет.

— Тогда я буду жрать тебя.

Фигура шагнула вперёд, и Макс почувствовал, как его ноги прирастают к земле. Он не мог двинуться — только стоять и смотреть, как чёрная рука тянется к его лицу. Пальцы коснулись щеки — холодные, как лёд. И тогда Макс проснулся.

20

Он сидел на земле, прислонившись спиной к камню, и тяжело дышал. Сон был таким реальным, что он чувствовал холод пальцев на своей щеке ещё несколько секунд после пробуждения. Он потрогал лицо — кожа была горячей, влажной от пота.

Слот пульсировал ровно, без агрессии. Красный цвет потускнел до розового — может быть, сон накормил его? Или просто прошло время?

Макс достал кинжал из слота.

В руке он был обычным — маленьким, ржавым, невзрачным. Никакой черноты, никаких красных искр. Просто кусок металла, который когда-то был оружием, а теперь годился разве что на свалку.

— Ты говорил со мной во сне, — сказал Макс.

Кинжал молчал.

— Ты угрожал мне. Сказал, что будешь жрать меня.

Тишина.

— Ответь.

И кинжал ответил. Не голосом — вибрацией. Лёгкой, едва заметной, как будто лезвие задрожало от холода. Макс почувствовал эту дрожь пальцами, и она передалась в руку, в плечо, в позвоночник — и там, внутри, превратилась в мысль:

— Накорми меня, хозяин. Скоро будет поздно.

21

Макс убрал кинжал.

Встал. Отряхнул штаны. Посмотрел на лес — всё тот же, серый, неправильный, враждебный. Но теперь у него был не только молоток. Теперь у него был голос в голове. И срок.

Он пошёл дальше.

Лес встретил его тишиной. Ни птиц, ни зверей, ни шороха. Только собственные шаги, дыхание и пульсация слота — ровная, как метроном. Макс шёл, не разбирая дороги, и думал.

Он думал о том, что Вера сказала про «неделю-две». О том, что слот начнёт жрать его самого, если он не накормит его чем-то живым. О том, что кинжал — не просто инструмент, а личность. Голодная, требовательная, опасная.

Он думал о том, что, возможно, это и есть главное правило этого мира: не носи то, что не можешь накормить.

Он думал о том, что раньше у него был один слот и пять предметов, которые ничего не просили. Теперь у него есть кинжал, который просит крови. И, вероятно, другие предметы, если он найдёт их, будут просить то же самое.

— Это безумие, — сказал он вслух. — Полное безумие.

Но он шёл.

22

Он шёл долго. Может быть, час. Может быть, два. Ноги гудели, спина ныла, в животе урчало — уже от настоящего, человеческого голода. Он достал из слота последний сухарь, разжевал, запил остатками воды. Слот не отреагировал — ему было плевать на хлеб. Ему нужно было мясо. Кровь. Смерть.

Лес стал редеть. Между стволами показались просветы — большие, широкие, не похожие на прогалины. Макс ускорил шаг, надеясь выйти к дороге или к деревне. Вместо этого он вышел к оврагу.

Не к тому, где нашёл кинжал — к другому. Глубже, шире, с крутыми стенами, поросшими мхом и папоротником. На дне оврага что-то блестело — вода? Нет. Металл. Куча металлолома, ржавого, старого, рассыпанного по камням.

Макс спустился в овраг — осторожно, цепляясь за корни, чтобы не упасть. Подошёл к куче. Здесь были обломки мечей, наконечники стрел, пряжки от ремней, куски кольчуг. Всё старое, всё ржавое, всё бесполезное.

Но кинжал в слоте шевельнулся.

— Еда, — пришла мысль. Не голос — импульс. Желание. Слот хотел этот металл. Но металл был мёртвым. Недвижимым. Неживым.

— Металл не едят, — сказал Макс.

— Можно. Если он был в крови. Этот был.

Макс присмотрелся к обломкам. Да, многие были тёмными, почти чёрными — не от ржавчины, а от чего-то другого. Засохшая кровь? Или что-то, что её заменило?

Он протянул руку, взял обломок меча. Тяжёлый, холодный. Слот дёрнулся — но не принял. Не тот предмет. Не та еда.

Макс бросил обломок обратно в кучу.

— Ты привередливый, — сказал он.

Кинжал не ответил.

23

Он выбрался из оврага и пошёл дальше. Лес становился всё более живым — в том смысле, что в нём появились звуки. Где-то справа треснула ветка, слева прошуршали листья, сзади кто-то кашлянул — или показалось?

Макс остановился, прислушался. Тишина. Только пульсация слота.

Он сделал шаг — и треск повторился. Слева, за кустами.

Он вытащил молоток из слота, сжал крепче. Кинжал оставил внутри — пусть ждёт. Молоток тяжелее, надёжнее. И не просит есть.

Он шагнул в кусты, раздвигая ветки руками. Никого. Только земля, трава и старый пенёк, поросший грибами.

Треск раздался снова — теперь справа.

Макс повернулся. Никого.

Сзади.

Он резко обернулся — и увидел грызуна. Того самого, раненого, который прятался под корнями. Он стоял на трёх лапах, волоча сломанную, и смотрел на Макса блестящими чёрными глазами.

— Ты... — прошептал Макс. — Ты следишь за мной?

Грызун моргнул. И прыгнул.

24

Это было неожиданно — грызун размером с кошку, прыгающий на человека. Макс не успел увернуться — тёплое тельце ударило его в грудь, острые когти вцепились в толстовку, и он рухнул на спину, больно ударившись затылком о землю.

Крыса — а это была крыса, только огромная — оказалась на удивление тяжёлой. Она сидела на его груди, дышала часто, пахла влажной шерстью и чем-то кислым. Сломанная лапа болталась в сторону, но остальные три работали отлично — они рвали толстовку, добираясь до тела.

Макс закричал — не от боли, от страха. Схватил крысу за загривок, попытался отшвырнуть, но она вцепилась зубами в его предплечье. Боль была острой, как укол ножом. Он заорал громче.

И в этот момент слот взорвался красным.

Макс не думал — он просто захотел, чтобы крыса исчезла. Не убить — просто исчезла. И слот понял его.

Крыса исчезла.

Не издохла — просто перестала существовать в физическом мире. Макс остался лежать на земле с рваной раной на руке и чувством, что что-то пошло не так.

Он посмотрел на слот.

В ячейке, среди коры, палки, камня, молотка и кинжала, появилась новая иконка. Маленькая крыса. С красными глазами. Живая? Мёртвая? Он не знал.

Кинжал заговорил — впервые после расщелины, чётко, внятно, без помех:

— Ты накормил меня. Спасибо.

Макс сел, тяжело дыша. Рана на руке саднила, кровь текла по пальцам, капала на землю. Но он не обращал на это внимания. Он смотрел на иконку крысы в слоте.

— Я не убивал её, — сказал он. — Я просто... убрал.

— Ты положил живое в слот. Слот убил её. Теперь она — еда.

— Я не хотел.

— Ты хотел, чтобы она исчезла. Она исчезла. Результат тот же.

Макс закрыл лицо руками. Пальцы пахли кровью — своей и чужой. Слот пульсировал ровно, удовлетворённо, как сытый кот. Красный цвет сменился тёмно-бордовым — сытость, но не пресыщение.

— Я не убийца, — прошептал он в ладони.

— Ты — хозяин, — ответил кинжал. — Хозяин кормит. Или умирает.

25

Макс просидел на земле, наверное, с час. Не двигался, не думал — просто сидел, глядя в одну точку. Кровь на руке засохла, превратившись в чёрную корку. Рукав толстовки пропитался и прилип к ране — отдирать было больно, но он не отдирав.

Слот был сыт. Впервые с момента появления кинжала он не давил на сознание, не требовал, не пульсировал тревожно. Красный цвет потускнел почти до серого, пульсация замедлилась до едва заметной. Кинжал молчал — то ли спал, то ли переваривал.

Макс достал из слота крысу.

Она материализовалась у него на ладони — мёртвая, остывшая, с закрытыми глазами. Сломанная лапа была сломана по-прежнему, но кровь — её кровь — запеклась на шерсти тёмными пятнами.

Он смотрел на неё, и в голове было пусто.

Он убил её. Не специально, не желая этого, не сознательно — но убил. Слот убил. Кинжал убил. Но руку на курок нажал он.

— Прости, — сказал он крысе. — Я не хотел.

Крыса не ответила.

Он положил её обратно в слот. Иконка моргнула — и заняла своё место среди других предметов. Еда. Штабель. Труп.

Макс встал. Рука болела, голова кружилась, в желудке урчало — теперь уже от настоящего голода. Он достал флягу — пустую. Вода кончилась. Достал сухари — кончились.

У него остались: палка, кора, камень, молоток, кинжал, мёртвая крыса.

И один слот.

26

Он пошёл к ручью — нужно было напиться. Шёл медленно, хромая, прижимая раненую руку к груди. Лес вокруг был тихим, но не враждебным — скорее выжидающим. Как будто всё, что в нём жило, смотрело на него и ждало, что будет дальше.

У ручья он опустился на колени, зачерпнул воду ладонью, выпил. Потом ещё. Потом умыл лицо — вода была холодной, обжигающей, но это было хорошо. Боль в руке притупилась.

Он сидел на берегу, глядя на воду, и думал.

Он думал о том, что теперь у него есть кинжал, который говорит. Есть крыса, которую он убил. Есть слот, который голоден и будет голоден снова. И нет выхода. Вообще нет.

Он думал о том, что Вера сказала про «неделю-две». Может быть, она ошибалась. Может быть, одной крысы хватит на дольше. Может быть, он сможет кормить слот крысами и мышами и никогда не переступить черту.

Он думал о том, что кинжал просил крови. Не крысиной — человеческой. Красной, горячей, живой.

— Нет, — сказал он вслух. — Этого не будет.

Кинжал молчал.

27

Он просидел у ручья до тех пор, пока серое небо не потемнело на полтона — ночь, наверное. Встал, потянулся, хрустнув позвоночником. Рана на руке затекла, но боль стала тупой, привычной.

Он пошёл искать место для ночлега.

Нашёл через полчаса — старую каменную кладку, остатки стены, заросшие мхом. Прислонился спиной к камням, вытащил из слота молоток и положил рядом. На всякий случай.

Кинжал он не доставал. Пусть лежит.

Он закрыл глаза — и сразу же увидел красное. Не сон — просто цвет за веками. Слот был сыт, но не спокоен. Он ждал. Переваривал. Готовился к следующему кормлению.

Макс открыл глаза, посмотрел на полоску в углу зрения. Инвентарь: 1/???. Один слот. Семь предметов. Одна мёртвая крыса.

— Я не убийца, — повторил он, как молитву.

И заснул.

28

Ночью ему снился кинжал.

Не огромный, как в прошлый раз, — обычный, маленький, ржавый. Он лежал на камне и тихо вибрировал, как телефон на беззвучном режиме. Макс подошёл, взял его — и вдруг оказался не на поляне, а в комнате. В своей комнате. С продавленным диваном, ноутбуком на столе и кружкой с остывшим чаем.

— Это не настоящий дом, — сказал кинжал. Его голос был спокойным, почти человеческим. — Но ты хочешь, чтобы он был настоящим.

— Я хочу домой, — сказал Макс.

— Домой нельзя. Здесь твой дом теперь.

— Нет.

— Да. — Кинжал дёрнулся в руке, и комната треснула пополам. Стены разошлись, как занавески, и за ними оказался лес. Всё тот же, серый, неправильный, живой.

— Ты не вернёшься, — сказал кинжал. — Но ты можешь выжить. Накорми меня. Всего один раз. Не крысой — настоящей едой. И я дам тебе силу.

— Какую силу?

— Следующий слот.

Макс проснулся.

29

Было утро — или то, что здесь называлось утром. Серое небо посветлело на полтона, и в лесу появились тени — редкие, размытые, но они были. Макс сидел у каменной стены, сжимая в руке молоток.

Сон был странным. Не страшным — странным. Кинжал говорил о силе. О следующем слоте. О настоящей еде.

— Ты хочешь, чтобы я убил человека? — спросил он вслух.

Кинжал молчал. Но в слоте что-то шевельнулось — согласие.

— Нет, — сказал Макс. — Нет. Не дождёшься.

Он встал, отряхнулся, закинул молоток в слот и пошёл. Он не знал куда, но знал, что нельзя оставаться на месте. Нельзя ждать. Надо идти. Надо искать выход. Надо верить, что выход есть.

Слот пульсировал у него в голове, как второе сердце. Кинжал лежал внутри, тёплый и живой, и ждал.

Макс шёл по лесу, и лес смотрел на него тысячами глаз.

30

Он вышел на дорогу через час.

Широкую, утоптанную, с глубокими колеями от телег. Дорога вела куда-то вперёд — туда, где лес становился реже, а небо — шире. Макс пошёл по ней, чувствуя, как под ногами хрустит песок и мелкие камни.

Он шёл и думал о том, что его мир — с ноутбуком, диваном, списком задач на завтра — остался где-то далеко. Может быть, в другой вселенной. Может быть, в другой жизни. А здесь — только лес, дорога, слот и кинжал, который просит есть.

— Я найду выход, — сказал он дороге. — Я найду выход, даже если выхода нет.

Дорога молчала.

Слот пульсировал в такт его шагам: накорми, накорми, накорми.

Макс шёл, сжимая кулаки, и старался не слушать.

Кинжал в слоте медленно нагревался, набирая температуру живого тела. И тихо, едва слышно, шептал одно и то же:

— Накорми меня. Накорми. Накорми.

Макс зажал уши руками, но голос был внутри.

Он шёл.

— —

Конец главы.

Глава 4. Правило «сто»

1

Макс проснулся от холода.

Не от того утреннего озноба, который пробирает до костей, а от глубокого, въевшегося холода, который стал частью его самого за эти дни — или часы? — в этом лесу. Он лежал на боку, свернувшись калачиком, и каменная кладка за спиной вытянула из него всё тепло, какое только могла. Пальцы на ногах онемели, нос заложило, и каждое дыхание вырывалось изо рта маленьким белым облачком, которое тут же съедал серый воздух.

Он нехотя открыл глаза.

Над ним висело всё то же небо — бесконечная серая простыня, без солнца, без облаков, без намёка на рассвет или закат. Время здесь застыло, как смола, и единственным его мерилом была усталость. Макс чувствовал себя так, будто не спал неделю, хотя только что проснулся.

Он сел, опираясь на руки. Ладони утонули в мокром мху, пальцы тут же промокли и замёрзли. Он вытер их о штаны — бесполезно, ткань сама была влажной насквозь. Всё в этом мире было влажным. Воздух, земля, одежда, даже камни. Казалось, сам лес выпотевал эту сырость, как больной — лихорадочный пот.

Макс перевёл взгляд на правый нижний угол.

Серая полоска висела на месте. Инвентарь: 1/???. Ячейка — одна, пустая наполовину. Иконки сжались в штабель, и он мысленно развернул их, проверяя содержимое. Кора. Палка. Камень. Молоток. Кинжал. И — пустота там, где вчера лежала крыса.

Он отдал её. Обменял на слова.

Макс не знал, было ли это правильным решением. Крыса была едой для слота — первой едой, которую он невольно добыл. Но торговец сказал, что крыса не накормит его самого. Что ему нужна человеческая еда — хлеб, мясо, вода. А у него не было ничего, кроме надежды, что слова стоили этой потери.

Слот был тёмно-бордовым — сытым, но недовольным. Пусть крыса ушла, но память о ней осталась. Макс чувствовал это где-то на границе сознания: лёгкое, почти незаметное раздражение, как будто он пообещал собаке кость и не дал.

— Успокойся, — сказал он шёпотом. — Мы что-нибудь придумаем.

Кинжал не ответил. Но Макс знал — он слышит.

2

Он поднялся на ноги, и всё тело заныло. Спина, шея, колени — каждый сустав, каждая мышца напоминали о том, что спать на камнях в мокрой одежде — плохая идея даже в мире, где нормальные правила не работают. Он потянулся, хрустнув позвонками, и огляделся.

Лес был прежним. Стволы сосен стояли слишком прямо, жгуты на коре пульсировали — медленно, глубоко, как артерии. Ветви не шевелились, листья не шелестели, даже мёртвая тишина казалась неестественной, словно кто-то выключил звук и забыл включить обратно.

Макс проверил флягу — пусто. Сухари — кончились вчера. Оставалась только вода из ручья, но до ручья нужно было дойти. А идти он мог только вперёд — назад, к поляне с камнями, не было смысла. Там ничего не изменилось.

Он выбрал направление наугад — туда, где деревья казались чуть реже, а воздух — чуть свежее. Ноги сами понесли его между стволами, обходя корни и камни, и он почти не контролировал этот процесс. Тело запоминало лес, училось ходить по нему, даже когда мозг отказывался принимать реальность.

Он шёл и думал.

Вчерашний разговор с торговцем прокручивался в голове снова и снова, как заевшая пластинка. «Сто убийств без смерти». «Топ-игроки с тридцатью-сорока слотами». «Бесконечный карман». Слова звучали как бред сумасшедшего, но в них была своя логика. Жестокая, кровавая, безумная — но логика.

Слоты открываются через убийства. Чем больше убиваешь — тем сильнее становишься. Но каждый новый слот — новый голод, новое требование, новая цепь, которая приковывает тебя к этому миру.

И выхода нет.

Макс остановился, прислонившись лбом к холодному стволу сосны. Кора была тёплой — как всегда, как везде в этом лесу — и эта теплота казалась почти живой. Он закрыл глаза и позволил себе минуту слабости.

— Я не хочу убивать, — прошептал он в кору. — Я никогда никого не убивал. Я не смогу.

Сосна не ответила. Но внутри, глубоко в слоте, что-то шевельнулось — нет, не согласие, не поддержка. Просто напоминание: «Ты уже убил. Крысу. Нечаянно, но убил. Счётчик не двинулся, но черта уже позади».

Макс отлепился от ствола и пошёл дальше.

3

Ручей он узнал по звуку.

Журчание воды было единственным нормальным звуком во всём лесу — живым, текущим, настоящим. Макс пошёл на него, как на маяк, и через несколько минут вышел к берегу. Тот же ручей, тот же изгиб вокруг валуна, та же заводь с чёрной водой и белой пеной на камнях.

Но сегодня здесь было не пусто.

Макс замер за стволом, не доходя до воды метров двадцать. Сердце ёкнуло, и он автоматически вытащил из слота молоток — тяжёлый, надёжный, тупой. Пальцы сжали рукоятку так сильно, что костяшки побелели.

У ручья, на том самом месте, где он пил вчера, стояли двое.

Мужчины. Взрослые, бородатые, в грубой кожаной одежде, с ножами на поясах и топорами в руках. Они стояли спиной к нему и смотрели на что-то, лежащее на земле — большое, тёмное, неподвижное.

Макс прищурился, пытаясь разглядеть, что это. И когда один из мужчин наклонился и дёрнул тушу за лапу, он понял.

Тот самый зверь. Бурый, длиннотелый, с короткой мордой и жёлтыми глазами, которые уже ничего не видели. Тот, который лежал на камнях вчера, разорванный от лопатки до таза. Теперь он лежал выше, на траве, и один из мужчин методично снимал с него шкуру, работая коротким широким ножом.

— Смотри, — сказал тот, что стоял прямо, обращаясь к напарнику. — Рана не звериная. Не когти, не зубы. Клинок. Острый. Кто-то разделявал его, пока он был жив.

— Или мёртв, — ответил второй, не поднимая головы. — Неважно. Мясо ещё хорошее. Слоты примут.

— А шкура? — спросил первый.

— Шкура дырявая. Оставь. Не заморачивайся.

Они говорили спокойно, деловито, как мясники на рынке, обсуждающие качество туши. Ни страха, ни напряжения, ни даже любопытства к тому, кто и зачем распотрошил этого зверя. Просто работа. Ежедневная, привычная, необходимая.

Макс смотрел на них, и внутри него боролись два чувства. Первое — страх. Эти люди были чужими, опасными, и у них было оружие. Второе — надежда. Люди. Живые, говорящие, нормальные люди. Может быть, они ответят на вопросы, которые торговец оставил без ответа.

Он сделал шаг вперёд. Ветка под ногой хрустнула — громко, как выстрел.

Оба мужчины резко обернулись.

4

— Стоять, — сказал тот, что был выше ростом. Голос низкий, уверенный, не терпящий возражений.

Макс замер. Молоток он опустил, но не убрал — рукоятка всё ещё торчала из кулака, готовая к удару.

— Я не хочу проблем, — сказал он быстро. — Я просто... я услышал голоса. Я хотел спросить.

— О чём? — спросил второй. Он поднялся, вытирая нож о штаны. В отличие от напарника, он был ниже, коренастее, с короткой рыжей бородой и маленькими колючими глазами. Он смотрел на Макса без злобы, но и без дружелюбия — так смотрят на бродячую собаку: не угроза, но и не гость.

— О слотах, — сказал Макс. — О том, как их получить. И о том, что будет, если их не кормить.

Мужчины переглянулись.

— Однослотовый, — сказал рыжий, кивая на правый глаз Макса. — И не кормленный. Смотри, Кирьен, красный почти пропал.

— Вижу, — ответил высокий — Кирьен. — Неделя, может, две. Потом сожрёт.

— Что сожрёт? — спросил Макс, хотя уже знал ответ.

— Ты сам себя, — сказал Кирьен. — Или слот сожрёт тебя. Как повезёт.

Он отвернулся и вернулся к туше. Движения его были точными, экономными, без лишних жестов. Он снимал шкуру с такой лёгкостью, будто разделявал не дикого зверя, а кусок масла.

Рыжий остался стоять, скрестив руки на груди, и изучал Макса долгим, тяжёлым взглядом.

— Ты откуда такой взялся? — спросил он наконец. — Не из здешних. Не похож. Одежда странная. Глаза испуганные. Новенький?

— Новенький, — подтвердил Макс, не зная, что ещё сказать.

— Давно?

— Не знаю. Дня два? Три? Я потерял счёт.

Рыжий хмыкнул, покачал головой.

— Два-три дня, а уже с кинжалом. И с крысой за душой. Торговец сказал. Это ты ему крысу отдал?

Макс кивнул. Похоже, слухи здесь распространялись быстро — быстрее, чем он ожидал.

— Глупо, — сказал рыжий. — Крыса — еда. Торговец — трепло. За трепло не платят мясом. Но уже поздно. Что сделано, то сделано.

— Я не знал, — сказал Макс. — Я просто хотел узнать, как здесь всё работает.

— Работает просто, — вмешался Кирьен, не оборачиваясь. — Убиваешь — получаешь слоты. Не убиваешь — умираешь. Всё. Больше ничего знать не надо.

— Но торговец говорил про сто убийств, — сказал Макс. — Про Бесконечный карман. Про богов.

Кирьен резко обернулся. В его глазах промелькнуло что-то — не гнев, не страх, а скорее усталость. Глубокая, выжженная усталость человека, который слишком много раз слышал эту сказку от слишком многих глупцов.

— Сядь, — сказал он, кивнув на камень у воды. — Если хочешь слушать — слушай. Но не перебивай.

5

Макс сел. Камень был холодным, влажным, и сырость тут же пропитала штаны, но он не обратил внимания. Всё его внимание было приковано к Кирьену — высокому, жилистому мужчине лет сорока, с лицом, изрезанным мелкими шрамами, и руками, которые видели много смертей.

Кирьен закончил снимать шкуру, бросил её на землю и сел напротив Макса, скрестив ноги. Рыжий остался стоять, прислонившись к дереву, и наблюдал.

— Торговец тебе наговорил? — начал Кирьен. — Про сто слотов? Про божественность? Про Бесконечный карман?

— Да, — сказал Макс. — Он сказал, что тот, кто наберёт сто убийств без смерти, станет богом.

— Богом? — Кирьен усмехнулся. Горько, безрадостно. — Богом он станет. Богом мясной горы. Богом голодных слотов. Богом, которого боятся даже другие боги. Но человеком он не будет. И никогда не был.

Он помолчал, глядя куда-то сквозь Макса, в серую пустоту леса.

— Я видел одного такого. С сорока слотами. Вожак гильдии «Костоломы». Его зовут... ну, неважно. Он не спит. Он не ест. Он не говорит — он кричит. Вещи в его голове кричат так громко, что он оглох. И он убивает каждого, кто подходит ближе чем на десять шагов. Не потому, что злой — потому что голоса велят. И он не может им не подчиняться.

Макс слушал, и внутри него что-то сжималось. Он вспомнил слова Веры у костра: «Топ-игроки с 30—40 слотами». Тогда это казалось цифрой. Теперь — приговором.

— А сто слотов? — спросил он. — Кто-нибудь доходил?

Кирьен посмотрел на него долгим взглядом. Потом перевёл взгляд на рыжего. Тот пожал плечами.

— Никто не знает, — сказал Кирьен. — Те, кто пробовал, либо умерли, либо исчезли. Либо стали тем, о ком не говорят вслух. Легенда о Бесконечном кармане — это не руководство к действию. Это предупреждение.

— Какое предупреждение?

— Не лезь туда, — сказал рыжий. — Остановись, пока можешь. Один слот — это ерунда. Два — уже проблема. Три — зависимость. Десять — безумие. Сорок — смерть при жизни. А сто... — он не закончил.

В тишине было слышно только журчание ручья и далёкий, едва уловимый треск веток — лес просыпался или засыпал, Макс не различал.

— Но слоты дают силу, — сказал он. — Чем больше слотов, тем больше ты можешь носить. Тем сильнее ты. Разве нет?

— Сильнее? — Кирьен усмехнулся снова, но теперь в его усмешке была горечь. — Ты думаешь, сила — это когда ты можешь носить сотню мечей? Сила — это когда ты можешь не носить ни одного. Когда ты свободен.

Он встал, подошёл к туше, отрезал кусок мяса и бросил его в слот — тот моргнул и принял добычу. Макс заметил у Кирьена три слота. Три серых ячейки, выстроенных в линию, как три пустых глаза.

— У тебя сколько убийств? — спросил Макс.

— Не твоё дело, — ответил Кирьен, не оборачиваясь. — Но скажу так: достаточно, чтобы прокормить три слота. И недостаточно, чтобы спать спокойно.

6

Рыжий — его звали Корб — оказался разговорчивее. Пока Кирьен разделял тушу, складывая мясо штабелями в свои три слота, Корб уселся на камень рядом с Максом и начал рассказывать.

Не из доброты. Скорее от скуки. Или от привычки — здесь, в этом мире, новички были редкостью, и каждый хотел выговориться перед тем, как очередной «однослотовый» исчезнет в лесу навсегда.

— Правило «сто» придумали давно, — говорил Корб, ковыряя ножом в зубах. — Лет, может, двадцать назад. Один псих с тридцатью слотами решил, что сможет дойти до ста. Он нанимал людей, чтобы они подставлялись под его удары. Он платил золотом, мясом, слотами — чем угодно. И они шли. Думали, что он станет богом и воскресит их. Или заплатит их семьям.

— И что?

— А то, что на сорок пятом убийстве он сломался. Не физически — ментально. Слоты начали петь. Он говорил, что слышит голоса всех, кого убил. И они не кричат, не плачут — они поют. Хором. Без остановки. Он вырвал себе уши, но голоса были внутри. Потом выколол глаза — не помогло. Потом... ну, ты понял.

— Он умер?

— Умер. Но перед смертью успел сказать: «Бесконечный карман — это ловушка. Чем больше ты носишь, тем больше носишь тебя». — Корб сплюнул. — Красивые слова. Только поздно он их сказал.

Макс молчал. В голове крутились цифры. Сорок пять убийств. Тридцать слотов. И человек, который вырвал себе уши, потому что не мог больше слышать.

— А топ-игроки, — спросил он осторожно. — Те, у кого 30—40 слотов. Они... они нормальные?

Корб посмотрел на него как на ребёнка.

— Нормальные? — переспросил он. — Никто с тридцатью слотами не может быть нормальным. Они — ходячие арсеналы. У каждого в голове оркестр из голосов. Они не помнят, кого убили первым. Они не помнят, зачем вообще начали. Они просто... существуют. Жрут. Убивают. Спят. Просыпаются. И снова.

— Зачем тогда им столько слотов?

— А зачем тебе дышать? — Корб пожал плечами. — Привычка. Зависимость. Когда у тебя десять слотов, ты уже не можешь остановиться. Слоты требуют корма, а корм — это убийства. Чем больше слотов, тем больше убийств нужно. Замкнутый круг. И единственный выход — умереть.

Он помолчал, потом добавил тише:

— Но есть слух. Про одного парня, который смог сбросить слоты. Отказаться. Говорят, он запечатал их в себе, заставил замолчать. Но он больше не человек. Он — что-то другое. И его боятся даже Костоломы.

— Костоломы?

— Гильдия. Самая большая в этих краях. Вожак — тот самый, с сорока слотами. Они охотятся на новичков, чтобы скормить их своим слотам. Или забирают себе, если новичок сильный. — Корб кивнул на правый глаз Макса. — Ты с 1/?? — аномалия. Если Костоломы узнают, ты труп.

— Почему аномалия? Что значит 1/?? — спросил Макс. Он уже спрашивал об этом торговца, но ответа не получил.

— У всех новичков 1/1, — сказал Корб. — Один слот, один возможный. Потом, когда открывается второй слот, становится 2/2. И так далее. А у тебя — вопросы. Бесконечность. Система не знает, сколько слотов у тебя может быть. Или знает, но боится сказать.

— Что это значит?

— Это значит, что ты — глюк. Ошибка. Или, может быть, наоборот — то, ради чего всё это существует. Бесконечный карман. Тот самый, о котором рассказывают легенды.

Макс похолодел.

— Но у меня только один слот, — сказал он. — Один. Я не могу носить больше предметов, чем влезает в одну ячейку.

— Пока, — сказал Корб. — Пока не начнёшь убивать.

7

Кирьен закончил разделывать тушу и подошёл к ним, вытирая нож о траву. Он выглядел усталым — не от работы, а от чего-то более глубокого, въевшегося в кости. Макс заметил, что его слоты — три серых ячейки — пульсировали ровно, без тревоги. Сытые. Спокойные. На время.

— Корб, хватит болтать, — сказал Кирьен. — Идём. Солнце скоро сядет.

— Здесь нет солнца, — заметил Макс.

— Здесь есть ночь, — ответил Кирьен. — Она приходит, когда небо темнеет на три тона. И в эту ночь выходят те, кто не спит. Ты не хочешь быть на их пути.

Он собрал инструменты, закинул за плечо мешок — кожаный, грубый, явно самодельный — и посмотрел на Макса долгим, изучающим взглядом.

— Ты идёшь с нами или остаёшься?

Макс колебался секунду. С одной стороны, эти люди были чужими, опасными, непредсказуемыми. С другой — у них была еда, вода и опыт. И они не убили его сразу, что уже было хорошим знаком.

— С вами, — сказал он. — Но я не буду убивать.

Кирьен усмехнулся.

— Увидим.

8

Они шли через лес молча.

Кирьен впереди, Корб замыкающим, Макс посередине. Тропинка была узкой, едва заметной, и Кирьен шёл по ней уверенно, как по собственной квартире. Он знал каждый корень, каждый камень, каждую выбоину — обходил их автоматически, не глядя под ноги. Корб сзади иногда что-то бормотал себе под нос — то ли молитву, то ли считал убийства, Макс не разбирал.

Лес вокруг был всё таким же неправильным. Деревья стояли слишком прямо, ветви расходились под слишком ровными углами, кора пульсировала в такт чему-то, что не было сердцем Макса. Но теперь, рядом с людьми, этот лес казался чуть менее враждебным. Чуть более терпимым.

— Ты откуда? — спросил Корб, когда они остановились передохнуть у большого валуна, поросшего мхом.

— Не знаю, — честно ответил Макс. — Я проснулся в лесу. Ничего не помню. Ни как сюда попал, ни что было до.

— Бывает, — сказал Корб без удивления. — Многие так. Система стирает память, когда затягивает сюда. Чтобы не было привязки к прошлому.

— Система? — переспросил Макс. — Кто создал эту систему?

Корб пожал плечами.

— Никто не знает. И никто не хочет знать. Те, кто искал ответы, либо умерли, либо сошли с ума, либо нашли что-то такое, что заставило их замолчать навсегда.

— А ты не искал?

— Нет, — Корб усмехнулся. — Мне хватает забот с тремя слотами. Я не хочу знать, кто надо мной. Я хочу просто выжить.

Макс замолчал. В этих словах была своя правда — простая, животная, безжалостная. Не ищи ответов, если не готов их принять. Не лезь в систему, если не готов стать её частью.

Но он был готов. Или ему казалось, что готов. Разница между этими двумя состояниями была тоньше лезвия кинжала.

9

Они вышли к оврагу через час.

Макс узнал это место — то самое, где нашёл кинжал. Тот же спуск, те же стены, поросшие мхом и папоротником, та же тишина, которая давила на уши. Но сегодня здесь было не пусто.

У края оврага стояла телега.

Обычная крестьянская телега, сколоченная из тёмного дерева, с большими колёсами и навесом из грубой ткани. Рядом, на раскладном стуле, сидел старик — тот самый, торговец, которому Макс отдал крысу. Эйнар.

— А, — сказал Эйнар, увидев их. — Новенький вернулся. С пустыми руками, как я погляжу.

— Он с нами, — сказал Кирьен. — На время.

— На время? — Эйнар усмехнулся. — Время здесь — единственное, чего нет. Садись, парень. Расскажу тебе то, что не рассказывал в прошлый раз. За ту же цену.

— У меня больше нет крыс, — сказал Макс.

— Крыса не нужна, — Эйнар кивнул на правый глаз Макса. — Ты сам — плата. Твоя история. Как ты сюда попал. Что помнишь. Что не помнишь.

Макс не хотел рассказывать. Но он сел.

10

— Я родился в этом мире, — начал Эйнар, когда все устроились вокруг телеги. Кирьен и Корб сели поодаль, достали вяленое мясо и ждали. Макс сидел на траве, скрестив ноги. — Не в том, откуда ты пришёл. В этом. Здесь. В лесу, как и ты. Только тогда леса были другими.

— Другими? — спросил Макс.

— Живыми, — Эйнар поморщился, как от зубной боли. — Настоящими. Не этими... — он махнул рукой в сторону стволов, — ...куклами. Деревья росли как положено, не по линейке. Кора была корой, а не мышцами. Жгутов не было. И небо было синим. Иногда.

— Что случилось?

— Случилось то, что всегда случается, когда люди получают силу. Они начали убивать. Не зверей — друг друга. За слоты. За территории. За славу. Лес впитывал кровь, и он изменился. Стал тем, что ты видишь. Памятником нашим грехам.

Эйнар замолчал, достал из-за пазухи флягу, отпил. Вода пахла травами — чем-то горьким, лекарственным.

— Ты спросил про Бесконечный карман, — продолжил он. — Я сказал легенду. Теперь скажу факты.

— Какие факты?

— Правило «сто» — это не сказка. Это механизм. Системный код. Если игрок — назовём тебя так — набирает сто убийств без единой своей смерти, его инвентарь перезагружается. Все слоты схлопываются в один. Один слот, в который можно положить что угодно. Всё. Любые предметы, любые существа, любые миры.

Макс замер.

— Один слот? — переспросил он. — Как у меня?

— Как у тебя, — кивнул Эйнар. — Но не с 1/???. С 1/1. Бесконечность в единстве. Всё, что ты убил, становится твоей силой. Все, кого ты убил, становятся твоими голосами. Ты не просто носишь предметы — ты носишь души. И они... они не молчат.

Он посмотрел на Макса долгим, тяжёлым взглядом.

— Ты думаешь, твой кинжал говорит громко? Подожди, пока у тебя будет сто голосов. Ты не услышишь себя. Ты забудешь, как тебя зовут. Ты станешь... карманом. Пустотой, которая жрёт всё вокруг. И тогда тебя назовут богом.

— А топ-игроки с 30—40 слотами? — спросил Макс. — Они на пути к этому?

— Они — отражения, — сказал Эйнар. — Осколки. Те, кто не дошли, но уже не могут вернуться. Они — предупреждение. И они же — охотники. Они ищут таких, как ты. С аномальным инвентарём. Потому что если они сожрут тебя, они получают твою аномалию. И тогда, может быть, они смогут дойти до ста.

Макс похолодел.

— Их вожак, — сказал он. — Костолом. У него сорок слотов?

— Сорок семь, — поправил Эйнар. — И он ищет. Всегда ищет. Ему не хватает одного — аномалии, которая запустит перезагрузку. Он думает, что если сожрёт носителя 1/??, то его инвентарь схлопнется. И он станет Бесконечным карманом.

— Это правда?

— Кто знает? — Эйнар развёл руками. — Никто не пробовал. Тех, у кого была аномалия, либо убивали, либо они исчезали. Ты — первый за много лет, кто вышел к людям живым.

— И что мне делать?

— Убивать, — сказал Кирьен из темноты. — Или быть убитым. Выбора нет.

— Есть, — сказал Эйнар тихо. — Ты можешь умереть сам. Не от чужой руки, не от слота — от своей. И тогда ты не станешь ничьей едой. Но это не выход. Это... отсрочка.

Макс молчал. В голове крутились цифры, имена, названия. Сорок семь слотов у Костолома. 1/?? у него. Сто убийств до Бесконечного кармана. Тридцать-сорок — у топ-игроков.

Он вдруг понял, что смотрит на всё это как на игру. На механику. На прогрессию. На левел-дизайн. И это было страшнее любого монстра.

— Сколько ты убил? — спросил Макс у Кирьена.

Тот помолчал, потом сказал:

— Семнадцать.

— Зверей?

— И зверей тоже.

— А людей?

Кирьен не ответил. Но его слоты моргнули — три серых ячейки, три могилы.

— Семнадцать — это много? — спросил Макс у Эйнара.

— Нет, — ответил торговец. — Для трёх слотов — маловато. Он недокармливает их. Потому и выглядит усталым. Если бы он убивал больше, слоты были бы сытее, но он был бы безумнее. Он выбрал середину. Компромисс.

— А какой компромисс у тебя? — спросил Макс, глядя на восемь слотов Эйнара.

— Я не убиваю, — сказал Эйнар. — Я торгую. Слоты можно кормить не только смертями, но и эмоциями. Страхом. Отчаянием. Надеждой. Я собираю их, как урожай, и скармливаю своим вещам. Это сложно, долго, и вещи всегда голодные. Но я не убиваю. И сплю спокойно.

— Почему ты не научишь этому других?

— Потому что страх и отчаяние не растут на деревьях, — усмехнулся Эйнар. — Их нужно добывать. И добывают их через смерть. Я просто перерабатываю то, что уже есть.

Он встал, потянулся, хрустнув суставами.

— Тебе пора, парень. Ночь близко. А в ночь я не торгую.

12

Кирьен и Корб ушли — у них были свои дела, свои слоты, свои убийства. Перед уходом Кирьен сказал Макс:

— Держись южной дороги. Там меньше тварей. И не доверяй никому, кто предлагает лёгкий путь. Лёгких путей здесь нет.

— Спасибо, — сказал Макс.

— Не за что. Я не спасаю тебя. Я просто говорю правду. Ты всё равно умрёшь. Вопрос — когда.

Они ушли, растворились между стволами, и Макс остался у телеги один. Эйнар возился с упряжью, собираясь в путь, но что-то его задерживало. Или кто-то.

— Ты можешь остаться на ночь, — сказал Эйнар, не глядя на Макса. — Но утром уходи. Мне не нужны проблемы с Костоломами. Если они узнают, что я пустил к себе аномалию, мои восемь слотов будут кормить их зверей.

— Почему ты помогаешь мне? — спросил Макс.

Эйнар посмотрел на него. В его выцветших глазах мелькнуло что-то — не жалость, не страх, скорее любопытство. Старое, уставшее любопытство человека, который видел слишком много.

— Потому что ты — первый за десять лет, кто не убил никого за три дня в этом лесу, — сказал он. — Ты голоден, напуган, у тебя нет ничего, кроме ржавого кинжала и пустой фляги. Но ты не убил. Ты не положил в слот ни одного живого существа, кроме той крысы, да и то случайно. Это... редкость. И я хочу посмотреть, сколько ты продержишься.

— А что потом?

— Потом — или ты умрёшь, или станешь монстром. Третьего не дано.

Эйнар отвернулся и замолчал. Макс понял — разговор окончен.

13

Ночь пришла не сразу, но Макс заметил, как небо потемнело на два тона — с серого до тёмно-серого. Тени под деревьями сгустились, стали глубже, чернее, и в них, казалось, кто-то шевелился. Не звери — кто-то другой. Те, кто не спит. Те, кто выходит только в темноте.

Он сидел у телеги, прижавшись спиной к колесу, и смотрел на огонь, который разжёл Эйнар. Костер был маленьким, аккуратным, без дыма — торговец явно знал, как не привлекать внимание. Пламя было обычным — жёлтым, живым, и это успокаивало. Впервые за много часов Макс почувствовал тепло, которое не шло от больного дерева.

Эйнар спал — или делал вид, что спит, — завернувшись в плотный шерстяной плащ. Его слоты — восемь серых ячеек, выстроенных в два ряда — пульсировали ровно, без тревоги. Макс смотрел на них и пытался представить, каково это — иметь восемь голосов в голове. Восемь требований. Восемь голодов. Он с трудом справлялся с одним кинжалом.

Достав из слота кинжал, Макс повертел его в руках. Лезвие блестело в свете костра — ржавое, зазубренное, но всё ещё опасное. Рукоять была тёплой — как всегда, как живая. Он сжал её, и в голове раздался голос:

— Ты не убил. Ты слушал. Ты боялся. Ты не накормил меня.

— Я никого не убивал сегодня, — прошептал Макс. — И не буду.

— Будешь. Скоро. Голод вернётся. А ты не сможешь кормить меня страхом. Эмоции — это не еда. Эмоции — это запах. А я хочу мясо.

— Замолчи.

Кинжал замолчал. Но его тепло стало горячее — почти обжигающим. Макс сунул его обратно в слот и закрыл глаза.

14

Ночью ему приснился Костолом.

Он не видел его лица — только силуэт, огромный, тёмный, с сорока семью слотами, горящими красным, как глаза хищника. Силуэт стоял посреди поляны — той самой, где Макс проснулся в первый раз, — и смотрел на него.

— Ты — аномалия, — сказал силуэт. Голос был низким, гулким, как будто говорила сама земля. — Ты — ключ. Я сожру тебя, и мой инвентарь схлопнется. И я стану Бесконечным карманом.

— Зачем тебе это? — спросил Макс. Во сне он не боялся.

— Чтобы выйти, — сказал Костолом. — Из этой клетки. Из этой игры. Ты думаешь, я хочу быть богом? Я хочу быть никем. Пустотой. Тишиной. Где нет голосов.

Он шагнул вперёд, и его слоты вспыхнули ослепительно-красным. Макс проснулся.

Костер догорал. Эйнар сидел на стуле, глядя на него.

— Ты кричал во сне, — сказал торговец. — Что тебе снилось?

— Костолом, — ответил Макс. — Он хочет меня сожрать.

— Конечно, хочет. Ты — аномалия. Ты — шанс. Он ищет тебя уже несколько дней. Скоро найдёт.

— Что мне делать?

— Бежать, — сказал Эйнар. — Или готовиться к бою. Третьего не дано.

15

Утром — или тем, что здесь называлось утром — Макс ушёл.

Эйнар дал ему немного воды и полсухаря — последнее, что у него было. Ничего больше. «Ты и так в долгу передо мной, — сказал он. — Крыса не покрыла и половины того, что я тебе рассказал. Но я старый и сентиментальный. Не благодари».

Макс не благодарил. Он просто взял еду, сунул её в слот и пошёл на юг, как советовал Кирьен.

Лес встретил его тем же серым светом, теми же ровными стволами, той же тишиной, которая давила на уши. Но теперь он шёл не один. В голове у него были цифры. Сто убийств. Сорок семь слотов. Бесконечный карман. И надежда — глупая, детская, опасная — что, возможно, он сможет обойти правила.

Он не знал, как. Но он шёл.

16

Через несколько часов он вышел к покосившемуся указателю.

Деревянный столб, врытый в землю под неестественно прямым углом, с двумя стрелками, вырезанными наскоро. На одной стрелке было написано: «Костоломы — 2 дня». На другой: «Южный тракт — 4 часа».

Макс не колебался. Он пошёл на юг.

Дорога стала шире, утоптаннее, с глубокими колеями от телег. По краям росли не деревья, а кусты — высокие, колючие, с мелкими красными ягодами, которые пахли сладко и тошнотворно. Макс сорвал одну, понюхал — ядовитой не пахло, но он не рискнул попробовать.

За кустами — поле. Сухое, выжженное, с редкой жухлой травой. А на поле — люди.

Трое. С топорами, мечами, в кожаных доспехах. Они стояли в кругу и смотрели на что-то, лежащее на земле. Макс спрятался за кустами, пригнулся.

— Аномалия, — сказал один из них. — С одним слотом и вопросами. Вожак хочет её. Живой или мёртвой — неважно. Главное — слоты.

— Где она? — спросил второй.

— В лесу. Кто-то видел её у торговца. Эйнар, старый пёс, пустил переночевать.

— Эйнар заплатит.

— Эйнар уже заплатил. Он отдал нам мясо. Аномалия ушла на юг. Мы нагоним.

Макс замер. Сердце колотилось так громко, что, казалось, его слышно за километр. Он медленно, бесшумно отполз назад, в кусты, потом в лес, потом побежал.

Он бежал, не разбирая дороги, спотыкаясь о корни, цепляясь за ветки. Слот пульсировал красным, кинжал в голове шептал: «Убивай, убивай, убивай».

Он бежал, потому что знал — если его поймают, он станет едой.

Или хуже.

17

Он бежал, пока лёгкие не отказали.

Упал на колени у ручья — другого, незнакомого, с мутной водой и илистым дном. Напился, кашляя и захлёбываясь, потом просто сидел, глядя в воду.

В воде отражалось его лицо — бледное, грязное, с впалыми щеками и красными глазами. Он не узнавал себя. И не хотел узнавать.

Сзади слышались шаги.

Макс обернулся, вытащил молоток из слота, замахнулся.

Перед ним стояла девушка. Лет двадцати, не больше, с короткими тёмными волосами и тремя слотами в правом углу зрения. Она была безоружна — по крайней мере, видимого оружия у неё не было. Только усталое, испуганное лицо и руки, которые дрожали.

— Не бей, — сказала она. — Я не из Костоломов.

— Кто ты? — спросил Макс, не опуская молоток.

— Меня зовут Мира. Я — из «Пустого кармана». Мы — те, кто не хочет убивать. Те, кто ищет другой путь.

— Другой путь? — усмехнулся Макс. — В этом мире нет другого пути.

— Есть, — сказала Мира. — Просто его никто не нашёл. Пока.

Она протянула руку.

— Пойдём со мной. Я покажу тебе, где мы прячемся. Ты будешь в безопасности. На время.

Макс смотрел на её руку, на три слота, на испуганное, но решительное лицо. И понимал, что у него нет выбора.

Он убрал молоток и пожал её ладонь.

— Хорошо, — сказал он. — Но если это ловушка, я убью тебя.

Мира не улыбнулась.

— Если это ловушка, — сказала она, — ты умрёшь первым.

Они пошли вместе в серый лес, и слоты на их правых глазах пульсировали в унисон: красный, красный, красный.

— —

Конец главы.

Глава 5. Моб в овраге

1

Лес после разговора с Мирой стал другим.

Макс не сразу понял, что именно изменилось. Звуки остались теми же — редкие капли падали с веток, где-то далеко трещала сухая ветка под невидимой лапой. Свет оставался серым, ровным, без теней и бликов. Деревья всё так же стояли слишком прямо, кора пульсировала в такт чему-то, что не было его сердцем. Но воздух — воздух изменился. Он стал плотнее, как перед грозой, и приобрёл привкус, которого раньше не было. Сладковатый, тошнотворный, с нотками гнилого мяса и старой крови.

Макс остановился, прислушиваясь к себе. Слот в правом нижнем углу пульсировал ровно, без тревоги — тёмно-бордовый, сытый, но настороженный. Кинжал молчал, но его тепло в слоте ощущалось отчётливее, чем обычно. Он не спал. Он ждал.

— Ты чувствуешь это? — спросил Макс шёпотом, обращаясь к пустоте.

Кинжал не ответил. Но его тепло стало горячее — на грани обжигающего. «Да», — ска-
зало это тепло. «Да, чувствую. Иди туда».

Макс не хотел идти. Всё в нём кричало: развернись, уходи, прячься. Но ноги уже поворачивали в ту сторону, откуда тянуло сладкой гнилью. Не он управлял ими. Или управлял, но та часть его, которая принимала решения, вдруг стала меньше, тише, послушнее. А на её место пришло что-то другое. Голодное. Любопытное. Живое.

Он сделал шаг. Второй. Третий.

Лес расступился, открывая тропинку, которой минуту назад не было. Узкую, заросшую папоротником, с чёрной землёй, которая хлюпала под ногами, как болото. Макс ступил на неё — и кроссовки тут же промокли насквозь. Холодная жижа обволокла щиколотки, и он почувствовал, как что-то скользнуло рядом с ногой, под землёй. Корень? Змея? Или просто грязь, которой показалось, что она живая?

Он пошёл быстрее, стараясь не думать об этом.

2

Тропинка привела его к оврагу.

Макс узнал это место? Нет. Он никогда здесь не был. Но что-то внутри — не память, скорее узнавание — подсказывало: «Правильно. Ты здесь. Мы пришли».

Овраг был широким, метров двадцать в поперечнике, с пологими стенами, осыпавшимися глиной и камнями. Дно терялось в темноте — даже серый свет сюда почти не проникал. По краям росли кривые берёзы с корой, которая свисала лохмотьями, как ободранная кожа.

И воздух здесь — воздух был не просто плотным, он был тяжёлым. Каждый вдох давался с трудом, как будто лёгкие наполнялись не кислородом, а жидким свинцом.

И запах. Запах гнилого мяса здесь был таким сильным, что Макс зажал нос рукавом толстовки, но это не помогло. Запах проникал через кожу, через поры, через закрытые глаза. Он был везде. Он был внутри.

— Что здесь? — спросил Макс вслух. Голос прозвучал глухо, как в подвале.

Кинжал ответил. Не словами — ощущением. Из слота, из второй ячейки (которая была всё ещё пуста, но уже дышала), пришло чувство голода. Не того, абстрактного, который мучил его последние дни, а острого, направленного, хищного. Кинжал не просто хотел есть — он знал, что именно здесь лежит, и хотел этого.

— Нет, — сказал Макс, отступая на шаг. — Я не полезу туда.

Он развернулся, чтобы уйти — и замер.

Тропинки, по которой он пришёл, не было. Исчезла. Вместо неё — стена леса, такая же плотная, как и везде, но без единого просвета. Деревья стояли вплотную, переплетаясь ветвями, как пальцы в замке. Макс попробовал протиснуться между стволами — ветки больно хлестнули по лицу, оставив царапины. Он попробовал в другом месте — то же самое. Лес закрылся за ним, как дверь.

— Это ловушка, — сказал он, и голос дрогнул. — Это ловушка, да?

Кинжал молчал. Но слот пульсировал быстрее, нетерпеливее, и Макс понял: его завели сюда не случайно. Не лес. Не кинжал. Не Мира и не Костоломы. Что-то другое, более древнее, более голодное. Сама система. Или то, что за ней стояло.

Он стоял на краю оврага, глядя вниз, и внутри него боролись два чувства. Первое — животный, первобытный страх перед темнотой, в которой может скрываться что угодно. Второе — холодное, тягучее любопытство, которое шептало: «А что, если там — ответ? Что, если там — выход?»

Он шагнул вниз.

3

Склон был круче, чем казалось сверху.

Макс съехал по глине на пятой точке, цепляясь за чахлые кусты и торчащие из земли корни. Глина была мокрой, скользкой, и он то и дело терял равновесие, больно ударяясь копчиком о камни. Кроссовки промокли окончательно, в них хлюпало при каждом шаге. Толстовка покрылась бурыми пятнами — то ли глина, то ли что-то похуже.

Он спустился на дно оврага и замер.

Здесь, внизу, свет почти отсутствовал. Серое небо превратилось в узкую полоску далеко наверху, и этой полоски едва хватало, чтобы различать очертания. Макс вытащил из слота молоток — привычное, тяжёлое тепло в руке — и поднял его перед собой, как факел. Бесплезно. Молоток не светился.

Тогда он достал кинжал.

Лезвие блеснуло в полумраке — не отражённым светом (света не было), а собственным, внутренним, тускло-красным. Кинжал светился. Слабо, но достаточно, чтобы осветить пространство на пару метров вокруг.

— Спасибо, — сказал Макс машинально.

Кинжал не ответил. Но его свечение стало чуть ярче — благодарность? Или просто голод?

Макс пошёл вперёд, держа кинжал перед собой, как фонарик. Красный свет выхватывал из темноты то камни, поросшие скользким мхом, то корни, переплетённые в неестественные узлы, то кости.

Кости были везде.

Сначала Макс думал, что это ветки — старые, сухие, обломанные. Но ветки не бывают такими прямыми, такими гладкими, с утолщениями на концах, которые подозрительно напоминали суставы. Он нагнулся, поднял одну. Да. Кость. Берцовая, кажется. Или лучевая. Он не был анатомом, но форму узнал — слишком много скелетов в фильмах ужасов.

Кость была старой, выбеленной временем, без единого следа плоти. Но когда Макс сжал её в пальцах, она не раскрошилась — была твёрдой, как камень. Чья она? Зверя? Человека? Он не знал.

Он бросил кость и пошёл дальше.

4

Чем глубже он уходил в овраг, тем больше становилось костей. Они лежали кучами, грудами, переплетённые друг с другом, как спящие змеи. Некоторые были целыми — скелеты мелких животных, собак, кого-то ещё, кого Макс не мог опознать. Другие — раздробленными, размолотыми в труху, смешанными с глиной и чёрной жижей, которая сочилась из-под земли.

Жижа была повсюду. Она заполняла ямы, растекалась по камням, капала с корней. Чёрная, густая, с металлическим блеском. Макс старался не наступать в неё, но это было невозможно — она была везде. И она пахла. Сладко, тошнотворно, как падаль на жаре.

— Что это? — спросил он у кинжала.

На этот раз кинжал ответил. Не мыслью — образом. Макс увидел внутренним взором поле боя. Десятки тел, люди и не-люди, лежат вперемешку, и их кровь течёт в землю, смешивается с грязью, превращается в чёрную жижу. А потом земля выплёвывает эту жижу обратно — в оврагах, в ямах, в расщелинах, где когда-то были раны.

— Это память, — понял Макс вслух. — Это кровь, которую не съели слоты.

Кинжал не подтвердил и не опроверг. Но его свечение стало тревожным — мерцающим, неровным, как пульс больного.

Макс пошёл дальше, стараясь не смотреть под ноги.

5

Он нашёл источник запаха через пять минут.

В самом конце оврага, там, где стены сходились почти вплотную, образуя узкий проход, лежала туша. Не та, которую разделявали Кирьен и Корб, — другая. Крупнее. Темнее. И гораздо более мёртвая.

Макс поднял кинжал повыше, чтобы рассмотреть.

Это был волк. Или не волк — слишком большой, размером с небольшого телёнка. Шерсть бурого цвета облезла клочьями, кое-где виднелась голая кожа, серая и сморщенная, как у мертвеца. Голова была повернута неестественно — почти на сто восемьдесят градусов — и челюсти разинуты в беззвучном крике. Из пасти текла та же чёрная жижа, смешанная с чем-то зелёным, гнойным.

Но глаза — глаза были открыты. Мутные, белые, с красными прожилками. И они смотрели на Макса.

— Он не мёртв, — прошептал Макс.

Кинжал завибрировал в руке. Нет, не завибрировал — затрепетал, как струна, которую задели. Голос в голове прозвучал отчётливо, без помех, впервые за долгое время:

— Он голоден. Как я. Как ты. Как все здесь.

— Что он такое?

— Труп, который забыли накормить. Слот внутри него сдох, но тело не поняло этого. Теперь оно ходит. Жрёт. Растёт.

Макс сделал шаг назад. Камень под ногой предательски хрустнул.

Глаза волка моргнули.

6

Макс не успел среагировать. Волк поднялся — слишком быстро для такой туши, слишком плавно для мертвеца. Его лапы, с которых свисали лохмотья кожи, нашли опору в грязи, и он встал, покачиваясь, как маятник. Голова всё ещё была вывернута, но челюсти двигались — медленно, ритмично, перемалывая воздух.

Из пасти шёл пар. Холодный, как из морозилки.

— Беги, — сказал кинжал.

Макс побежал.

Он бежал назад, к тому месту, где спустился в овраг, скользя по глине, цепляясь за корни, падая, вставая, снова падая. Сзади слышалось чавканье — волк бежал за ним. Не быстро, но неумолимо. Каждый его шаг звучал как удар молота по сырому дереву.

Макс добрался до склона, начал карабкаться вверх — и сорвался. Глина не держала, кроссовки скользили, пальцы срывались с корней. Он повис на одной ветке, рвущейся под его весом, и замер, чувствуя, как внизу что-то приближается.

Волк остановился под ним. Поднял голову — та хрустнула, вставая на место, и теперь смотрела прямо на Макса. Из глаз текла чёрная жижа, смешанная с чем-то красным.

— Прыгай, — сказал кинжал. — Прыгай на него.

— Ты с ума сошёл?!

— Прыгай. Или он сожрёт твой слот. Не тебя — слот. Ты станешь пустым. Как он.

Ветка треснула. Макс полетел вниз, больно ударившись плечом о каменный выступ, и приземлился прямо перед волком, на четвереньки. Волк не атаковал — он наклонил голову, принюхался, и из его пасти вырвался звук. Не рык — стон. Долгий, низкий, похожий на плач.

И тогда Макс понял: волк не хотел его убивать. Он хотел стать им. Или сделать Макса собой. Разница была не важна.

Кинжал в руке стал горячим — почти обжигающим. Голос в голове превратился в приказ:

— Ударь. Сейчас. Или ты — еда.

7

Макс ударил.

Не потому, что хотел. Не потому, что был готов. А потому, что кинжал двинул его рукой сам — как тогда, в расщелине, когда он поднял крысу. Только сейчас это было сильнее, грубее, неотвратимее.

Лезвие вошло в шею волка снизу вверх, пробивая гнилую плоть, как нож — прогнившее дерево. Волк не закричал. Он издал тот же стон, только глубже, ниже, и его тело начало оседать, как будто из него выпустили воздух.

Чёрная жижа хлынула из раны, заливая руку Макса, толстовку, лицо. Она была холодной — ледяной — и пахла так, что его вырвало. Он стоял на коленях, сжимая кинжал, вживленный в шею волка, и его рвало чёрной жижей, потому что она попала в рот, в нос, в глаза.

Когда он открыл глаза — через секунду или минуту, он не знал, — волк исчез.

Не умер, не растворился — исчез. На его месте осталась только лужа чёрной жижи, несколько клочьев шерсти и пустота. А в руке Макса всё ещё был кинжал, теперь чистый, без единого пятнышка, будто только что выкованный.

Макс выронил его. Кинжал упал в грязь — и засветился ярко-красным, как сигнальная лампа.

8

Сначала Макс ничего не почувствовал.

Стоял на коленях в чёрной луже, тяжело дышал, смотрел на свои руки, покрытые жижей и чьей-то кровью. В голове было пусто — не спокойно, именно пусто. Как будто кто-то выключил звук, убрал мысли, оставив только тело, которое само решало, как дышать и куда смотреть.

Потом пришёл холод.

Не тот холод, который он чувствовал в лесу по ночам — внешний, физический. Этот холод был внутри. Он поднимался от живота к груди, от груди к горлу, от горла к затылку. Он был сухим, электрическим, как будто кто-то подключил его позвоночник к батарее и включил ток.

Макс хотел закричать — и не смог. Горло свело судорогой, язык примёрз к нёбу. Он упал на четвереньки, выгибаясь дугой, и в этот момент слот в правом нижнем углу взорвался.

Не моргнул — взорвался. Красный цвет заполнил всё поле зрения, и Макс ослеп на несколько секунд. Когда зрение вернулось, он увидел, что ячейка инвентаря изменилась.

Вместо одной ячейки стало две.

Они висели рядом, серая и серая, с серебристыми контурами. В первой — всё те же предметы: кора, палка, камень, молоток, сухари, пустая фляга. Во второй — пустота. Но пустота не была пустой. Она была голодной. И над ней горели слова, которые Макс никогда раньше не видел:

Инвентарь: 2/∞

Раньше было 1/???. Теперь — 2/∞.

— Что это значит? — прошептал он одними губами.

Кинжал, лежащий в грязи, ответил. Не голосом — вибрацией, которая передалась через землю, через колени, через позвоночник прямо в мозг:

— Ты убил. Ты накормил. Ты открыл слот. Теперь ты — один из нас.

Макс поднял кинжал. Тот был чистым, тёплым, почти живым. И тяжёлым. Гораздо тяжелее, чем минуту назад.

Он сунул его во второй слот. Кинжал исчез с руки — и появился в ячейке, заняв её полностью. Первый слот остался с мусором, второй — с кинжалом. Чисто. Аккуратно. Страшно.

Макс посмотрел на свою левую руку — ту, что держала кинжал во время удара. На ней не было царапин. Но кожа стала бледнее, чем на правой, и под ней, под ногтями, виднелись чёрные точки — та самая жижа, вьёвшаяся в поры.

— Я убил его, — сказал он вслух. Голос не дрожал. — Я убил его.

Кинжал в слоте пульсировал согласно. Довольно.

9

Макс просидел в грязи, наверное, с час.

Он не считал время. Он просто сидел, смотрел на две серые ячейки в правом нижнем углу и пытался понять, что чувствует. И не мог. Внутри было пусто — не выжжено, не больно, а именно пусто. Как будто убийство волка выключило какую-то часть его личности, и на её месте образовалась зияющая дыра.

Он попробовал вспомнить лицо матери. Не получилось. Попробовал вспомнить своё отражение в зеркале — расплывчатое пятно. Попробовал вспомнить, как его звали друзья — ни имени, ни голоса.

— Что со мной? — спросил он у кинжала.

Кинжал ответил не сразу. Сначала пришло ощущение — вязкое, тёплое, как патока. Потом — образ. Макс увидел себя со стороны: он сидит в овраге, грязный, бледный, с двумя слотами в глазу. А вокруг него, невидимые, стоят тени. Много теней. И каждая тень — это кто-то, кого он мог бы убить в будущем. Или кто-то, кого он уже убил в прошлом (крыса, волк). Тени тянутся к нему, шепчут, гладят по голове.

— Ты отдал им часть памяти, — сказал кинжал. — Слоты берут плату. Не только кровью — воспоминаниями. Радостью. Страхом. Всем, что делает тебя человеком.

— Зачем?

— Чтобы ты мог носить больше. Чтобы ты стал сильнее. Человек с двумя слотами — это не тот же человек с одним. Ты уже другой. И с каждым новым убийством ты будешь меняться всё сильнее.

Макс закрыл лицо руками. Ладони пахли жижей и медью.

— Я не хочу меняться.

— Ты уже изменился. Обратного пути нет. Только вперёд. Только больше слотов. Только больше убийств.

— А если я перестану?

— Тогда слоты начнут жрать тебя. Сначала воспоминания. Потом чувства. Потом тело. Ты превратишься в такого же, как этот волк. Пустого. Голодного. Мёртвого при жизни.

Макс убрал руки от лица. В овраге было темно, тихо, и только две серые ячейки горели в углу зрения, как глаза хищника.

Он встал, пошатываясь. Ноги затекли, колени дрожали, но он устоял. Подобрал молоток, который выпал во время схватки, сунул его в первый слот. Достал кинжал из второго, посмотрел на лезвие. Красное свечение погасло — кинжал был сыт. Но ненадолго.

— Сколько? — спросил Макс. — Сколько продержится сытость?

— День. Может быть, два. Если не будешь носить другие голодные вещи.

— А если найду?

— Тогда меньше. Оружие требует крови. Доспехи — защиты. Зелья — чего-то, чего ты не захочешь им давать. Каждая вещь — личность. Каждая личность — голод.

Макс убрал кинжал в слот. Второй слот принял его, как своё, и Макс почувствовал, как кинжал устраивается там поудобнее, как будто это была его кровать, а Макс — его дом.

— Я не хочу быть чьим-то домом, — сказал он тихо.

Кинжал не ответил.

10

Он выбрался из оврага только со второй попытки.

Склон, по которому он спускался, теперь казался ещё круче и скользче. Макс карабкался, вонзая пальцы в глину, цепляясь за корни, ругаясь сквозь зубы. Толстовка промокла насквозь, джинсы превратились в тряпку, кроссовки хлюпали при каждом шаге. Но он лез. И не останавливался.

Наверху его встретил всё тот же лес — серый, неподвижный, с деревьями, которые стояли слишком прямо. Но теперь он казался другим. Не враждебным — равнодушным. Как будто лес посмотрел на него, оценил — и решил, что он не опасен. Пока.

Макс упал на землю у корней старой сосны, прислонился спиной к стволу и закрыл глаза. Кора за спиной была тёплой — как всегда, как везде в этом мире — и пульсировала в такт его сердцу. Или его сердце билось в такт коре. Он уже не различал.

Он открыл глаза и посмотрел на слоты. Две серые ячейки. Одна с мусором, вторая с кинжалом. Инвентарь: 2/∞. Вопросы исчезли, сменившись бесконечностью. Бесконечностью, которая требовала заполнения.

— Что теперь? — спросил он у леса.

Лес не ответил. Ответил кинжал:

— Теперь ты ищешь следующего. Или он найдёт тебя.

— Я не хочу убивать.

— Ты уже убил. Дважды. Крыса не считается, она была маленькой. Волк считается. Волк дал тебе слот. Следующий даст третий. А третий — четвёртый. И так до бесконечности.

— Или до смерти, — сказал Макс.

— Или до смерти, — согласился кинжал. — Твоей или чужой.

11

Он сидел под сосной, перебирая в уме события последних часов.

Волк. Удар. Кровь. Чёрная жижa. Второй слот. И то странное, пугающее чувство, которое пришло сразу после убийства — не удовлетворение, не облегчение, а что-то другое. Глубокое, первобытное, как будто он сделал что-то правильное. Что-то, для чего был создан.

Ему это не нравилось. Но он не мог отрицать.

Макс достал из первого слота флягу — пустую. Вода кончилась ещё утром. Достал сухари — последний, чёрный, твёрдый, как камень. Откусил кусок, прожевал. Сухарь скрипел на зубах, крошился, не имел вкуса. Он проглотил, чувствуя, как комок царапает горло.

Слоты не отреагировали. Им было плевать на хлеб. Им нужна была кровь.

Макс убрал сухарь обратно, поднялся на ноги. Лес стоял вокруг, серый и неподвижный, но теперь в нём появились звуки. Там, где раньше была мёртвая тишина, теперь слышался шорох — ветки, листья, чьи-то осторожные шаги. Не одно существо — много. Лес просыпался. Или просыпался не лес — те, кто в нём жил.

— Они чувствуют тебя, — сказал кинжал. — Чувствуют новый слот. Чувствуют свежую кровь. Чувствуют, что ты слаб и не готов.

— Я готов, — сказал Макс, сжимая кулаки. — Я убил волка. Я смогу убить ещё.

— Сможешь. Но заплатишь. Каждый раз — плата. Воспоминаниями. Чувствами. Сном. Аппетитом. Желанием жить.

Макс ничего не ответил. Он пошёл в ту сторону, откуда слышался шорох.

12

Шорох привёл его к поляне.

Не к той, где он просыпался в первый раз, и не к той, где встретил Веру. К новой — маленькой, круглой, окружённой молодыми соснами. В центре поляны лежало бревно. А на бревне сидел человек.

Макс замер за стволом, вытащил из второго слота кинжал (тот появился в руке мгновенно, с тихим звоном) и пригнулся. Человек не двигался. Сидел, опустив голову, плечи поникли, руки висели вдоль тела. Одежда — грязная, рваная — висела на нём, как на вешалке. Слоты? Макс прищурился, вглядываясь в правую сторону лица человека. Один слот. Один, серый, пустой. Инвентарь: 1/1.

Новичок. Как он сам — несколько дней назад.

Макс опустил кинжал, вышел из-за дерева.

— Эй, — сказал он тихо. — Ты живой?

Человек поднял голову. Молодой парень, лет восемнадцати, с бледным лицом и тёмными кругами под глазами. Он посмотрел на Макса — и его взгляд зацепился за слоты. Сначала за первый. Потом за второй.

— У тебя... у тебя два, — сказал он. Голос был слабым, севшим, как после долгого крика.

— Да, — сказал Макс. — Два.

— Как ты получил второй?

— Убил.

Парень слотнул. Его кадык дёрнулся, и Макс увидел, как по шее пробежала судорога — страх или голод.

— Я не могу, — сказал парень. — Я не могу убивать. Я пробовал. Вчера. Мышку. Она была маленькая, серая. Я хотел наступить на неё. Но она посмотрела на меня, и я не смог. Я просто... не смог.

Макс сел на бревно рядом с ним. Сел, положив кинжал на колени, и посмотрел на парня. На его одинокий серый слот, который уже начинал розоветь — голод приближался.

— Как тебя зовут? — спросил Макс.

— Лёня, — сказал парень. — Я из Питера. Я лёг спать, а проснулся здесь. Три дня назад. Или четыре. Я не знаю.

— Я тоже не знаю, — сказал Макс. — Никто не знает.

Они сидели молча. Лес шуршал вокруг, и шорох становился всё громче, настойчивее.

— Он скоро придёт, — сказал Лёня, глядя в темноту. — Я чувствую. Он голодный. Он всегда голодный.

— Кто?

— Мой слот. Он говорит со мной. Не словами — чувствами. Он хочет есть. Он говорит: «Убей его». Того, кто придёт. Или тебя. Неважно. Просто убей.

Лёня повернулся к Макс. Глаза у него были красными — не от плача, от бессонницы.

— Убей меня, — сказал он. — Пожалуйста. Я не хочу становиться монстром. Я не хочу убивать. Убей меня, и возьми мой слот. Он тебе пригодится.

Макс сжал кинжал так, что костяшки побелели.

— Нет, — сказал он. — Я не убиваю людей.

— Тогда я убью себя сам, — сказал Лёня. — Если смогу. Но я не знаю как. Здесь нет ничего, чем можно... — он огляделся, и его взгляд упал на кинжал в руках Макса. — Дай мне нож.

— Нет.

— Дай! — Лёня вскочил, шагнул к Макс, протянул руку. Его слот вспыхнул красным — голод перешёл в агрессию. — Ты не понимаешь! Он жрёт меня изнутри! Каждую минуту! Я не спал двое суток, потому что он не даёт! Он хочет, чтобы я убил! Если я не убью — он сожрёт меня сам!

Макс встал, отступил на шаг. Кинжал он не поднял — но и не убрал.

— Я не дам тебе нож, — сказал он твёрдо. — Но я помогу тебе найти другой способ.

— Нет другого способа! — закричал Лёня. — Все говорят — только убивать! Только кормить! Или умирать!

— А если не слушать всех? — сказал Макс. — Если попробовать найти другой путь?

Лёня замер. Посмотрел на Макса долгим, недоверчивым взглядом.

— Ты... ты тоже ищешь другой путь?

— Ищу, — сказал Макс. — И не я один. Есть люди, которые не убивают. Они кормят слоты страхом, отчаянием, эмоциями. Это сложно, но возможно.

— Откуда ты знаешь?

— Мне сказал торговец. Эйнар.

Лёня опустил руки. Красный цвет в его слоте потускнел — от агрессии к отчаянию.

— А если не получится? — спросил он шёпотом.

— Тогда я помогу тебе, — сказал Макс. — Но не ножом. Есть другие способы уйти. Я не знаю их, но я найду.

Лёня сел на бревно, закрыл лицо руками. Плечи его тряслись — он плакал. Беззвучно, по-детски, всем телом.

Макс сел рядом, положил руку ему на плечо. Кинжал он убрал в слот — пусть ждёт.

13

Они просидели так, наверное, с час.

Лёня успокоился, перестал плакать, но не поднимал головы. Сидел, уставившись в землю, и иногда вздрагивал — когда слот напоминал о себе очередным приступом голода. Макс чувствовал эти приступы: Лёнин слот пульсировал красным, учащённо, и каждый раз, когда пульсация становилась слишком сильной, Лёня начинал дышать чаще, зажимал уши руками, шептал что-то неразборчивое.

— Как ты это выдерживаешь? — спросил он наконец. — У тебя два слота. Они должны кричать громче.

— Я кормил их, — сказал Макс. — Крысу. Волка. Они сыты. На время.

— А когда пройдёт время?

— Тогда я найду что-то новое.

— Или кто-то, — сказал Лёня, поднимая голову. Его глаза были сухими, но красными — от слёз или от бессонницы. — Ты знаешь, что слоты можно кормить людьми?

— Знаю.

— И ты готов?

Макс помолчал. Вспомнил Костолома с его сорока семью слотами. Вспомнил слова Веры: «Выбирай. Убивать или быть убитым». Вспомнил кинжал, который шептал: «Накорми меня».

— Не готов, — сказал он. — И надеюсь, не буду готов никогда.

Лёня усмехнулся — горько, безрадостно.

— Добрый ты, — сказал он. — Как я. Только у тебя два слота. А у меня один, и тот уже красный. Добрые здесь не живут долго.

— Может быть, мы будем первыми, — сказал Макс, и в его голосе прозвучала надежда — глупая, детская, но живая.

Они встали с бревна. Лес вокруг потемнел — ночь приближалась, и шорохи становились громче, наглее.

— Идём, — сказал Макс. — Я знаю место, где можно переночевать. Там есть стена — старая кладка. Камни держат тепло.

— А твари?

— У костра не суются.

— У нас нет костра.

— Будет.

Макс достал из первого слота молоток, из второго — кинжал. Кинжал он сунул за пояс (так надёжнее), молоток оставил в руке. Лёня смотрел на него с завистью и страхом.

— У тебя оружие, — сказал он. — А у меня ничего. Только голос в голове.

— Голос в голове — это тоже оружие, — сказал Макс. — Если научиться его слушать.

Лёня не ответил. Он пошёл за Максом, шаг в шаг, стараясь не отставать.

14

К старой каменной кладке они вышли через полчаса.

Макс узнал это место — та самая стена, у которой он ночевал после встречи с Эйнаром. Камни были всё такими же холодными, мокрыми, с порослью мха и лишайника. Но здесь было безопаснее, чем в лесу — хотя бы иллюзия защиты.

Макс собрал сухие ветки, разжёг костёр. Огниво он нашёл в первом слоте — оказывается, положил его туда, когда рылся в кузнице? Он не помнил. Память становилась дырявой, как старый мешок.

Пламя вспыхнуло — жёлтое, живое, пахнущее дымом и смолой. Лёня сел у костра, протянул к огню дрожащие руки. Его слот пульсировал красным, но спокойнее, чем в лесу. Костер успокаивал голод? Или просто отвлекал?

Макс сел напротив, положил молоток на колени. Кинжал за поясом был тёплым — не горячим, но живым.

— Расскажи о себе, — сказал он Лёне. — Как ты сюда попал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.